Виктор Похмелкин

В ЦАРСТВО СВОБОДЫ ДОРОГА

Очерки либеральной футурологии

МОСКВА 2001

© Похмелкин В.В. 2002 © ЛИЦ 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ЧАСТЬ 1. ЦАРСТВО ВЛАСТИ И МИР СВОБОДЫ

Глава 1. Власть и свобода в системе социального регулирования

Глава 2. Последняя карта государственного патернализма

Глава 3. Постдемократическая метаэволюция

ЧАСТЬ 2. ДЕМОКРАТИЯ И ПОСТДЕМОКРАТИЯ: ПОЗНАНИЕ В СРАВНЕНИИ

Глава 4. Народовластие и социальное саморегулирование

Глава 5. Гражданское общество и либеральное общество

Глава 6. Демократическое государство и правовое государство

Глава 7. Закон и договор

ЧАСТЬ 3. ТРУДНЫЕ ПУТИ К СВОБОДЕ

Глава 8. Социализация личности

Глава 9. Либерализация общества

Глава 10. Обобществление государства

О проблемах либерального движения в современной России (вместо послесловия)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хочу воспеть Свободу миру…

Александр Пушкин [1]

Не в том суть жизни, что в ней есть,
но в вере в то, что в ней должно быть.

Иосиф Бродский [2]

Обычно в предисловиях к научным и публицистическим произведениям формулируют социально значимые причины избрания и освещения соответствующей темы. Рискну нарушить традицию и приведу сугубо личные мотивы, вызвавшие к жизни подготовку настоящей работы.

Первое. Меня всегда привлекали социально-философские и политологические проблемы диалектики власти и свободы, государства, общества и личности, политики и права, социальной справедливости и целесообразности. Все эти явления в их непрестанной борьбе, сцеплении, переплетении, удивительных метаморфозах обладают могучей силой притяжения и не без оснований выглядят хранителями ключей к смыслу человеческого существования, глубинным источникам развития социальной и духовной жизни. Особый интерес представляет их изучение на примере нашей страны, история которой дает поразительные образцы из ряда вон выходящих закономерностей и уныло повторяющихся типичных случайностей.

Десять лет назад Россия пережила демократическую революцию. Тогда многим из нас было понятно, «как жить нельзя», от чего мы хотим раз и навсегда избавиться, от какого наследства отказаться. На волне отрицания мерзостей тоталитарного режима демократическая организация государственной власти казалась пусть не идеальной, но во всяком случае полностью отвечающей самым радикальным чаяниям свободы. За прошедшие с тех пор годы страна претерпела огромные изменения. Что ни говори, но основы рыночной экономики, гражданского общества и демократической государственности в России заложены. Теперь для нас демократия уже не экспонат «заморской» политической флоры, а выращенное собственными руками древо, не только пустившее в родной почве корни, но и давшее побеги.

Очень многим нашим соотечественникам то, что выросло, сильно не нравится. Некоторым хочется выполоть демократические «сорняки» и вернуться к тоталитарным вырубкам и посадкам. Другие не против демократии, но считают, что ее не так растили. Между тем десять лет демократического развития России дают уникальный материал для анализа состояния перспектив и развития и самой демократии, и той цивилизации, политической формой которой она является. Среди разных подходов к такому анализу автора этих строк наиболее интересует феномен демократии в свете соотношения все тех же категорий: власти и свободы, государства, общества и личности, политики и права. Попытка подобного исследования, во многом носящего характер эскиза, представлена на суть читателей с надеждой на признание, если не авторских рассуждений и выводов, то, по крайней мере, перспективности методологии, той системы координат, в которой предлагается рассматривать демократические принципы и институты.

Второе. Так случилось, что мне довелось оказаться в гуще российского либерального движения, пережить вместе с ним взлеты и падения последнего десятилетия. Среди многих бед отечественных либералов всех времен и народов есть, на мой взгляд, одна, политически наиболее опасная. Выразить ее можно хрестоматийными словами: «страшно далеки они от народа». Горько признавать правоту политических противников, однако, глядя правде в глаза, нельзя не согласиться с Л.Б. Каменевым, который в начале прошлого века утверждал, что русский либерализм никогда не был движением политическим и общественным. [3] Эта печальная традиция, к сожалению, сохраняется до сих пор.

Наша либеральная мысль, достаточно теоретически глубокая, всегда обращена к элите и едва ли не демонстративно высокомерно-аристократична. Отечественные либералы, по общему правилу, удовлетворяются тем, что их идеи так или иначе воспринимаются руководством страны и социально-политической верхушкой. Но эти идеи по форме подачи, вербальной и эмоциональной оболочке не предназначены для того, чтобы овладеть массами. В последнее время некоторые либерально ориентированные партии научились проводить так называемые PR-акции, приносящие определенный электоральный успех. Однако нетрудно заметить, что достигается он не за счет привлекательности либеральных ценностей, а самым примитивным путем предоставления населению «хлеба и зрелищ».

Так случилось, что в нашей либеральной теории практически полностью отсутствует футурологическая часть. Мы можем красиво объяснять причины, закономерности и последствия социальных явлений и процессов. Вместе с тем, когда дело доходит до разговора о будущем, либералы становятся весьма скучными и непонятными. В лучшем случае они хоть не берут на себя роль Кассандры. О том же, чтобы дать людям воодушевляющую либеральную перспективу, и речи быть не может. Надо ли удивляться стойкой непопулярности либерализма в массовом сознании.

В известной мере эта «ахиллесова пята» современных российских либеральных теоретиков и идеологов, на своем опыте переживших крах марксизма-ленинизма, связана с их почти инстинктивной боязнью любого социального утопизма. Уличение в несостоятельности конкретных прогнозов привело к дискредитации прогнозирования в целом. Это представляется в принципе неправильным. Футурологический подход оправдан не только пропагандистскими задачами. Он составляет неотъемлемую часть общественно-политической науки, без которого она лишается значительной доли гносеологической ценности и практического смысла. Знаменитый в прошлом русский философ и правовед П.И. Новгородцев писал: «Творчество жизни шире ограниченного человеческого опыта, и потому постоянно случается, что утопическая теория бывает более дальновидной, чем трезвая практика» [4].

Вопреки расхожему мнению, убежден, что «либеральное» вполне сочетаемо с «популярным». Если мы не просто верим, но знаем и способны защитить историческую правоту либерализма, то обязаны показать научно обоснованный и одновременно привлекательный образ либерального общественного устройства. Неотъемлемая от ответственности, свобода достигается и реализуется нелегким трудом. Наша задача - раскрыть его яркий, интересный, творческий характер, обнажающий и развивающий самые лучшие человеческие качества. Поэтому предлагаемая работа содержит один из первых опытов либеральной футурологии, призванной, в конечном счете, стимулировать расширение границ влияния политического либерализма.

Третье, совсем личное. Как и Булату Окуджаве, мне «все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему, и мы до сих пор все холопами числим себя» [5]. Для меня свободолюбие и неприятие любой внешней власти - естественный, органичный, единственно возможный образ жизни. Сейчас у нас модно рассуждать о необходимости «сильного государства», в почете конформизм, тогда как либеральное мировосприятие небезопасно, если не для жизни, то для

политической карьеры. В этих условиях хочется совершенно открыто заявить о своей приверженности ценностям свободы: самостоятельности, независимости от власти, уважении к человеческой личности и презрении к тем, кто, обучаясь холуйскому ремеслу, выбились в лучшие ученики. Да простится мне откровенная эмоциональность, ведь без эмоций, как помнится, невозможен поиск истины.

Отвечая на весьма вероятные упреки в прекраснодушии, отрыве от реальности, замечу, что либеральная футурология покоится на двух фундаментальных основаниях, близких к аксиомам. Первое состоит в том. что прогрессивное развитие человечества вектором своим имеет постоянное усложнение всех атрибутов и форм жизнедеятельности. Вертикальные, централизованно управляемые общественные системы, как известно, обладают несравненно меньшим адаптационным ресурсом, чем сложно устроенные, регулируемые по горизонтали социальные структуры. Концентрация власти искусственно ограничивает свободу людей и тем самым снимает с них ответственность за адекватное реагирование на вызовы постоянно усложняющейся действительности. Второе основание носит характер субъективного, но трудно опровергаемого наблюдения. Все выдающиеся действия, развивающие культурное и духовное богатство человечества, все гениальные акты творчества совершались людьми внутренне свободными, раскрепощенными или стремящимися к освобождению. Попробуйте заставить птицу петь о любви к клетке, в которую ее посадили. Истории известны два великих раба: Эзоп и Спартак. И оба они знамениты своими подвигами (один - интеллектуальными, другой - военно-организаторскими) ради достижения свободы. Перефразируя горьковского Сатина, могу утверждать: бездарная стандартизация - удел рабов и хозяев; творческая индивидуальность - прерогатива свободного человека.

И *самое последнее*. Когда эта работа была близка к завершению, произошли чудовищные террористические акты в городах Соединенных Штатов Америки. Демократический мир содрогнулся, ощутив свою полную уязвимость. Одним из роковых последствий этих событий может стать общий крен в сторону усиления авторитарных, государственно-властных, милитаристских и полицейских начал организации общественной жизни в ущерб правам и свободам человека и гражданина. Как это уже бывало ранее многократно, свобода будет расплачиваться за преступления, порожденные ее антагонистами.

Надо понять коренные причины терроризма как предельно концентрированного социального зла. Он вызывается к жизни жутким уровнем экономической, политической и духовной несвободы, питающим абсолютную безответственность и бесчеловечность. Террор, совершаемый людьми, всегда выступает ответом - ужасным, несправедливым, неадекватным, - но все же ответом на государственное насилие в прямом или косвенном виде. Не будем забывать, что самые страшные образцы терроризма, унесшие сотни миллионов человеческих жизней, явили именно государства. Поэтому сейчас крайне важно не выпустить «джина из бутылки» и ввести совершенно оправданные силовые меры по отношению к террористам в разумные правовые рамки, не позволяющие им обернуться новым витком государственного террора. Тем важнее для нас осознать весь драматизм многовековой борьбы государственного патернализма и либерализма и убедиться в том, что у цивилизованного человечества нет другого способа выживания, кроме как взять власть над Властью и освободить Свободу.

ЧАСТЬ I. ЦАРСТВО ВЛАСТИ И МИР СВОБОДЫ

Свобода не заключается ни в какой форме правления:
она находится в сердце свободного человека.

Жан Жак Руссо [6]

Если бы пришлось выбирать одно из величайших зол,
то я бы выбрал неравенство власти.

Бертран Рассел [7]

Глава 1. Власть и свобода в системе социального регулирования

Не странно ли стремиться к власти ценой свободы
или к власти над людьми ценою власти над собою?

Фрэнсис Бэкон [8]

Мы пугаем. Да, мы - дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет.

Валерий Брюсов [9]

1

Существование человеческого сообщества на любой стадии его развития предполагает социальное регулирование общественных отношений, которое состоит в выработке и обеспечении во всех сферах и на всех уровнях взаимодействия людей правил желательного, дозволенного, допускаемого или должного, требуемого поведения. Говоря иным, юридическим языком, осуществлять социальное регулирование, значит, предоставлять участникам общественных отношений права и возлагать на них обязанности, а также закреплять гарантии и способы их осуществления. При этом уже самая первая попытка осмысления социально-регулятивного механизма позволяет обнаружить два универсальных и противоположных метода упорядочивающего воздействия на общественные процессы.

В основе первого из них - обособленность, неравенство, соподчиненность социальных субъектов. Поэтому его использование связано с *внешним* управлением, когда источник регулирования отделен от объекта, и по существу выражается в навязывании чужой воле определенного долженствования, принуждении к исполнению обязанностей. Средствами осуществления этого метода социального регулирования можно считать приказ, распоряжение, директиву, команду, то есть властное веление, адресованное от одних людей другим. Его можно назвать *авторитарным, императивным, административным, централистским.*

Второй метод - *либеральный, диспозитивный, гражданско-правовой, автономный* - базируется на равенстве, самостоятельности, естественной взаимозависимости людей и связан с использованием различных форм координации и саморегулирования, основной из которых является добровольное соглашение. Принципиальная особенность его заключается в том, что обязанности не возлагаются на индивида извне, а принимаются на себя его собственным волеизъявлением. Иначе говоря, здесь имеет место не внешнее управление, а саморегулирование, источник которого не отделен от его объекта, так что каждый участник общественного взаимодействия выступает соавтором правил, по которым оно осуществляется.

Соотношение применения указанных методов, их удельный вес в социальном регулировании зависят от многообразных конкретно-исторических факторов и в свою очередь определяют тип нормативного порядка и характер политического

режима. Но само их существование и противоборство закономерно обусловлено диалектикой двух фундаментальных начал общественной жизни - *власти* и *свободы*.

Примечательно, что в предельно широком, абсолютном смысле понятия власти и свободы сливаются, обозначая полное господство человека над условиями его существования. Здесь мы имеем дело с категориями глобально-абстрактного характера, подобно «абсолютной истине». В реальной же социальной действительности и в каждый конкретный пространственно-временной отрезок как власть, так и свобода дискретны, относительны и ограничены (прежде всего - друг другом).

В социально-философском смысле власть - это отношение господства человека над человеком (одной группы людей над другой). Существенный же социально-философский и политологический аспект свободы состоит в независимости от власти. Свобода отрицает не какой-либо тип власти или ее конкретного носителя, а властные отношения как таковые.

2

Каждый из методов социального регулирования имеет свою форму, посредством которой в общественной практике утверждаются соответственно власть и свобода. Авторитарная сторона социального регулирования полнее всего выражена в *политике*, тогда как наиболее адекватной формой либерального метода выступает *право*.

Стержень политической жизни образует борьба за власть. Именно она служит двигателем всех политических процессов, незаметно подчиняя себе деятельность людей, вовлеченных в политическую орбиту, независимо от их личных намерений и идеологических убеждений. «Кто занимается политикой, - писал Макс Вебер, - тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы насладиться чувством престижа, которое она дает»[10]. И чем острее политическое противоборство, тем в большей степени оно приобретает характер самоцели, отрывающейся от подлинных социальных интересов противодействующих классов, групп и партий.

Однако самая бескомпромиссная борьба за власть зачастую оправдывается необходимостью воплощения в жизнь идеала свободы. Происходит это потому, что в нелиберальной общественной системе изначально заложенное в природу человека стремление к свободе находит иллюзорное, извращенное, «идеологизированное» выражение в стремлении к власти. Чем меньше свободы в обществе, тем больше власть рассматривается как единственно возможное средство ее достижения. И в этом состоит одно из роковых заблуждений человечества. Мировой исторический опыт убедительно свидетельствует, что свободу нельзя приобрести путем завоевания и тем более монополизации власти. Властвующий субъект не менее несвободен, чем подчиненный, подвластный. Если последний зависит (во всяком случае - внешне) только от властителя, то имеющий власть порабощен необходимостью ее удержания, что лишь в последнюю очередь определяется его волей и намерениями. Очень проникновенно говорит об этом шекспировский Макбет, захвативший шотландский трон у убитого им короля Дункана:

«Нет, лучше быть в гробу, как тот, кто стал
Покойником, чтоб мы покой вкусили,
Чем безысходно корчиться на дыбе
Душевных мук. Дункан лежит в могиле,
От лихорадки жизни отсыпаясь.
Измена сделала свое: ни сталь,
Ни яд, ни бунт, ни внешний враг отныне

Ему уже не страшны» [11].

Но дело не только в несвободном положении правителей. Политическая сфера в целом сориентирована на власть как вожделенную цель, наивысшую ценность и оптимальное средство. Даже прогрессивное политическое сознание неизбежно культивирует власть, рассматривает ее в качестве наиболее важного инструмента решения социальных задач и пороки ее связывает не с природой политико-авторитарного регулирования, а с несовершенством его конкретных типов, систем или форм.

Напротив, правовое регулирование не заражено властным фетишизмом, а нацелено на обеспечение свободы, гармоничное согласование различных социальных интересов. В настоящее время в российской юридической науке (хотя, к сожалению, не в законодательной и правоприменительной практике) преодолена трактовка права как возведенной в закон государственно-властной воли. Становится все более очевидным, что право не только не является продуктом государственной политики, но принадлежит к глубинным пластам социальной материи и человеческого духа, образует фундаментальный институт, цементирующий общество, определяющий характер взаимоотношений государства и личности, исторически оправданную меру обеспечения и одновременно ограничения индивидуальной свободы [12].

Следует подчеркнуть, что право - это не насильственно насаждаемый или искусственно навязанный человеку, а естественный, проистекающий из жизненных потребностей регулятивный механизм. Правовая норма может облекаться в форму государственно-властного веления, но в принципе авторитарный, командно-приказной стиль чужд правовому регулированию. Подлинно правовые отношения возникают и функционируют не по указке власть имущих, а на основе свободного волеизъявления и встречной заинтересованности людей.

Право исходит из принципиально равенства людей как социальных субъектов, органично сочетая его со свободой. В отличие от тоталитарной «уравниловки» перед безграничной властью, право утверждает не равную ничтожность, а равное величие. Оно призвано обеспечить индивидам равноценные условия для свободного самоопределения, гарантировать им равную возможность быть разными, непохожими, но одинаково юридически защищенными.

Разумеется, правовое равенство не только обеспечивает, но и ограничивает свободу. Однако это, пожалуй, единственно разумный, естественный и справедливый ограничитель, препятствующий осуществлению свободы одного человека в ущерб свободе другого. В условиях равноправия отказ личности от части своих притязаний и принятие на себя каких-либо обязанностей не выглядят нарушением ее «суверенности», поскольку имеют добровольный и взаимный характер. В то же время право отражает и обратную зависимость, когда уже свобода служит мерилом юридического равенства, не позволяя последнему распространяться на сферу духовного творчества, нивелировать индивидуальные особенности личности, сдерживать экономическую конкуренцию и цивилизованное идейно-политическое соперничество.

Завершая первичный и весьма беглый сравнительный анализ политики и права, стоит заметить, что они, разумеется, не отделены друг от друга непроходимой стеной, а находятся в противоречивом взаимодействии. Право, уровень воплощения которого не может быть «выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [13], на протяжении многих исторических эпох нуждается в политическом обеспечении, которое заключается в опоре, с одной стороны, на родовую, общинную или государственную власть, а с другой - на оппозиционную политическую деятельность, в ходе которой отстаиваются и утверждаются правовые

притязания. По образному выражению знаменитого немецкого юриста Рудольфа Иеринга, «цель права есть мир, средство достижения этой цели - борьба» [14]. В свою очередь политическая деятельность зачастую находит в правовых институтах наиболее эффективные средства реализации властных устремлений. Отражением противоречивого взаимодействия политики и права служит категория *легитимности*. Она характеризует принятые в данной общественно-политической системе основания действенности, эффективности социальных норм и правил и обеспечивающих их исполнение институтов. Обладание легитимностью придает правовое и нравственное оправдание (или во всяком случае его видимость) источнику социального регулирования, поддерживает минимально необходимый уровень доверия к формам и методам соответствующего воздействия на поведение людей.

Постоянное взаимопроникновение политики и права небескорыстно используется властными элитами, которым выгодно доказать не только мощь, но и правомерность своего господства. Однако беспристрастный исследователь неминуемо приходит к выводу, что по социальной природе, аксиологической (ценностной) направленности, в конце концов по образу человеческой жизни, утверждению которого они так или иначе способствуют, политика и право полярны и чужеродны.

3

Сущность общественного устройства, формы социального и межличностного взаимодействия в решающей степени зависят от того, каким образом в обществе решен вопрос о соотношении политики и права, императивного и диспозитивного методов социального регулирования, а если еще глубже - о соотношении власти и свободы.

С этой точки зрения можно выделить два исторических типа социального регулирования, которые выражают не особенности разных общественно-экономических формаций и тем более отдельных политических систем. Речь не идет даже о привязке данного понятия к цивилизационным процессам, поскольку всем существовавшим до сих пор цивилизациям при самых глубоких различиях соответствует один и тот же тип социального регулирования общественных отношений. Временной критерий предложенной типологии не охватывается не только эпохой, но, пожалуй, и эрой. Переход от одного типа социального регулирования к другому означает не просто обновление качества общественной жизни в рамках определенных исторических параметров, но смену самих этих параметров и образование принципиально иной основы миропорядка и представлений о нем.

Первый из таких типов назовем патерналистским. Он характеризуется верховенством начал власти над началами свободы, политики над правом, императивных методов социального регулирования над диспозитивными. Причем указанный приоритет пронизывает весь строй и образ жизни патерналистского общества, господствуя или, по меньшей мере, преобладая в массовом сознании. В свое время П.Я. Чаадаев, изучая психологию своих соотечественников, отмечал, что «русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью» [15]. Здесь точно схвачена суть духовной атмосферы политического патернализма: инфантильность общества и личности, неспособность жить независимой от власти, самостоятельной и ответственной жизнью.

Патерналистский тип социального регулирования, естественно, не является застывшим и находится в постоянном развитии. Исторически меняются типы и формы власти, которая может иметь родовой, племенной, семейный, общинно коммунальный, корпоративный или государственный характер. Могут различаться также степень концентрации власти и широта ее распространения на определенные сферы общественных отношений и индивидуальной

жизнедеятельности. Все эти различия очень важны для классификации общественного строя и политических режимов. Но для всех них неизменным остается одно - нахождение феномена власти в эпицентре социального регулирования, что одновременно означает более или менее интенсивное вытеснение свободы на его периферию.

Патерналистская система социального регулирования требует особых форм обеспечения легитимности своих источников, методов и носителей. Строго говоря, таких форм только две. Первая - *сила*, способность принудительным, насильственным путем подчинить других людей своей воле, заставить их совершать желательные действия. Будучи выраженным незатейливой формулой «кто силен, тот и прав», этот способ обеспечения легитимности власти наиболее примитивен и откровенен, демонстрируя самое существенное в патерналистской организации общественной жизни. Практически в чистом, незамутненном виде он применялся в условиях первобытнообщинного строя, когда главной целью рода или племени была борьба за выживание, в которой решающую роль играла именно сила. Однако для более развитых общественных формирований исключительно силовой принцип легитимации власти уже не годится. Как говорил Конфуций, «народ можно заставлять повиноваться, но нельзя заставить понять почему» [16]. К тому же на одну силу всегда найдется другая, которая вполне может сместить существующее правление и привести к власти новую элиту, столь же легитимную в такой системе координат.

В связи с этим к силе добавляется вторая форма обеспечения легитимности патерналистского регулирования. К ней относится закрепление за властью и ее носителями исключительного права на *выражение общей воли*. При ее использовании от людей требуют подчинения управленческому воздействию уже не только в силу реального или грозящего принуждения, но по убеждению. Доказав с помощью привычных для соответствующего уровня социального и культурного развития, общенародный (общенациональный) характер властных установлений, власть убеждает каждого человека и каждую социальную общность в том, что, реализуя общую волю, она тем самым действует и в их особых или индивидуальных интересах.

Аргументы, придающие убедительность второй форме легитимности, носят исторический характер и меняются от одного общественно-политического строя к другому. Власть может «получать» суверенное право на выражение общей воли от Бога, по наследству от предыдущего властителя, признававшегося легитимным, от большинства населения (по обычаю или на выборах), наконец, в результате революционного свержения правления, не имевшего легитимности или потерявшего ее. Однако во всех случаях воля субъектов, которым адресованы правила поведения, отделены от источника их формирования. Так называемая «общая воля» не является следствием согласования индивидуальных воль, а навязывается извне. При патерналистском типе социального регулирования личность не суверенна, она вынуждена либо принимать властные установления и подчиняться им либо бунтовать. Самое печальное, что оба варианта поведения выступают проявлениями несвободы.

Историческое назначение второго - *либерального* - типа социального регулирования состоит в том, что он свергает институт власти с верховного пьедестала и бросает его к подножию свободы, утверждая безусловный приоритет саморегулирования перед авторитарным правлением, которое ограничивается строго определенными и максимально узкими сферами и пределами. При этом в корне меняется соотношение между политикой и правом, Если область первой последовательно сужается, то последнее приобретает главенствующее положение в системе социального регулирования, надежно защищая общество и личность от политической экспансии и властного произвола.

Либеральные системы социального регулирования отличаются наивысшей легитимностью. Она здесь имеет самое прочное основание - собственную волю

человека, помимо или вопреки которой не устанавливается ни одно значимое правило поведения. По образному выражению итальянского философа и политолога Гвидо Де Руджеро, свобода состоит «в перемещении источника авторитета и закона в интимную сферу собственного духа» [17]. В обществе, по-настоящему ценящем свободу, социальное регулирование становится зоной ответственности не избранных, а всех и каждого, обеспечивается коллективным согласованным творчеством людей независимо от их положения в формальной общественной иерархии.

Необходимым условием и признаком либерального типа социального регулирования является преодоление в массовом сознании властного патернализма. В обществе, где люди выше всего ценят свою и чужую свободу, отношение к власти колеблется от высокомерного прагматизма, приспосабливающего ее к человеческим нуждам, до спокойного презрения, когда власть считают неизбежным злом, заслуживающим если не полного искоренения, то предельной локализации. Так или иначе, эти представления принципиально совпадают со взглядами Н.А. Бердяева о том, что идеальная, совершенная жизнь есть конец власти человека над человеком [18].

Все известные нам доныне формы общественного устройства и политические системы принадлежат к патерналистскому типу социального регулирования. Время преобладания либерального нормативного порядка пока не наступило, хотя ростки его наблюдаются в развитых демократических странах. Собственно, закономерностям и условиям прорастания качественно нового свободолюбивого типа жизнедеятельности из весьма загрязненной властно-рабскими сорняками и пустоцветами почвы и посвящена настоящая работа.

4

Наиболее интересует нас такая историческая форма патерналистского типа социального регулирования как *государственный патернализм*, в крайнем виде приобретающий облик *этатизма*, утверждающего высший авторитет и ценность государства, наделяющий государственную власть по сути сакральной природой.

Оставляя в стороне вопрос о причинах и условиях происхождения государства, замечу лишь, что его возникновение знаменовало собой отчуждение носителей власти от исполнения прямых общественных функций, вытекающих из родовых и племенных отношений. Будучи, несомненно, продуктом социально-экономического расслоения, государство, вопреки упрощенному марксистскому подходу, не может рассматриваться только и прежде всего как инструмент классового господства. Оно представляет собой относительно самостоятельный феномен, функционирующий по специфическим законам. Более того, вслед за многими западными политологами рискну утверждать, что именно политическая власть, сосредоточенная в государстве, формы и методы ее осуществления, от которых зависит степень индивидуальной и социальной свободы, имеют решающее влияние на характер общественного устройства и господствующий образ жизни[19].

Однажды появившись на свет, государство отделяется от общества и начинает жить своей жизнью. Государственная власть опирается сразу на обе, указанные выше формы легитимности. Более того, она монополизирует их, отрицая легитимность любого иного авторитарного начала, не являющегося производным от государства. С одной стороны, как отмечал Макс Вебер, государство устанавливает монополию легитимного физического насилия [20]. С другой - оно претендует на монопольное, суверенное право выражения общей воли. Иными словами, государство последовательно вытесняет все остальные легитимные источники социального регулирования, стягивая на себя базовые управленческие функции.

Выступая в роли главного, суверенного носителя власти, государство

объективно тяготеет к самообслуживанию, самоупрочению и самораспространению. Правда, нельзя отрицать, что любая, даже самая деспотическая государственная власть выполняет и некоторые общесоциальные функции. Однако не должно быть никаких иллюзий: принудительно поддерживая определенный тип и уровень общественного порядка, государство никогда не делает этого «из любви к добру и справедливости» [21]. В то же время, по словам Н.А. Бердяева, любовь к силе, возрастание силы «есть рок государств, демоническое в них начало» [22].

Государство воплощает в себе очищенную от социальных наслоений властную конструкцию. Поэтому наиболее пригодно оно для принуждения, насилия, подавления. Там же, где государственная власть пытается брать на себя решение «мирных» экономических и социальных задач, она делает это несравненно хуже, чем рыночные, правовые и другие механизмы общественного саморегулирования. Это убедительно показано Е.Т. Гайдаром путем сравнения «западной» и «восточной» цивилизаций, различающихся по месту и исторической роли государства в экономической жизни, слиянию или разделению власти и собственности [23].

Конечно, государство выступает и объектом классовой, политической борьбы. С помощью государственного аппарата одни социальные группы и партии пытаются навязать свою волю другим. Вместе с тем противоречия между государственной властью и обществом в целом несравненно более остры и значимы, чем противоречия классовые, групповые или корпоративные. Дело в том, что одновременно с государством и для отправления его функций образуется самостоятельная социальная группа профессиональных государственных управленцев (чиновников), быстро разрастающаяся до масштаба класса, именуемого *бюрократией.*

Самостоятельным и самым могущественным экономически и политически классом бюрократия становится тогда, когда овладевает государством и начинает фактически распоряжаться им как своей частной собственностью, что было подмечено еще К. Марксом[24]. Формы этой собственности исторически изменчивы: от коллективно-неделимой при тоталитарном, деспотическом строе до номенклатурно-приватизированной в условиях разложения авторитаризма и коррумпированном демократическом режиме [25]. Бюрократия бывает вынужденной делиться собственностью на государство, доступом к принятию властных решений, а вместе с ним и к различным ресурсам с другими социальными группами, но она никогда не теряет контроль над ним, пока сохраняет себя в качестве класса, имеющего общий интерес в разрастании, расширении и концентрации государственной власти.

Вот почему ни о каком совершенствовании государства через его усиление не может быть и речи. Оно ведет лишь к соответствующему усилению бюрократии, возрастанию ее хищнических аппетитов и все большему отрыву от реальных общественных потребностей. Не могу вновь не согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что все утопии совершенного, идеального государства порочны в корне. Возможны лишь отдельные улучшения, которые связаны обычно с тем, что государству ставятся границы [26].

Никому так не чужды либеральные ценности, как бюрократии. Следует, правда, учитывать неоднородный характер бюрократического класса, различные группировки которого находятся в постоянной «внутривидовой» борьбе. Некоторые из них могут на короткий срок использовать либеральные реформы как средство в этой борьбе. Но никогда - в качестве цели, поскольку приоритет начал свободы в социальном регулировании ведет к ослаблению и полному деклассированию бюрократии.

Глава 2. Последняя карта государственного патернализма

Нам легче управлять людьми,
чем помешать им управлять нами.

Франсуа Ларошфуко [27]

Демократия - это худший способ управления страной,
если не считать тех способов, к которым до сих пор
прибегало человечество.

Уинстон Черчилль [28]

5

«Развитие идет не по спирали, и вкривь и вкось, вразрез, наперерез», - пел Владимир Высоцкий [29]. Трудно устоять перед обаянием этого поэтического выражения. И все же, несмотря на искривленность и запутанность противоречивых социальных процессов в их глубине обнаруживается постоянная, проходящая с переменным успехом, пролегающая через каждую человеческую душу борьба власти и свободы, патерналистской и либеральной тенденций.

Последняя, на первый взгляд, заведомо слабее. Однако история неумолимо свидетельствует, что о волны свободы рано или поздно разбиваются кажущиеся вечными и незыблемыми тоталитарные монолиты. Огосударствление общества, бюрократический порядок вещей максимально упрощают жизнь людей, лишая их необходимости какого-либо выбора и личной ответственности. Но естественное развитие жизни означает постоянное усложнение всех социальных процессов, которое разрывает примитивные авторитарно-патерналистские схемы.

Объективные закономерности прогресса экономики и культуры требуют все большего раскрепощения людей, их трудовой и творческой активности. На этой основе возникает и набирает силу стихийное либеральное движение, которое не просто выражает умонастроения отдельных индивидов, но отвечает фундаментальным общественным потребностям. Однако в полном соответствии с известным законом Ньютона оно встречает адекватное противодействие.

Стремясь к выживанию, бюрократия пытается приспособиться сама и приспособить принадлежащее ей государство к меняющимся экономическим и социальным условиям. Происходит закономерное усложнение государственности, более сложными становятся отношения государственной власти, общества и личности. Когда, с одной стороны, исчерпываются или оказываются неэффективными откровенно силовые методы удержания в повиновении человеческих масс, а с другой - люди, ощутившие вкус свободы, еще не готовы самостоятельно и сообща ею распорядиться, государственный патернализм выбрасывает свою последнюю карту - *демократию*.

6

Исторически демократия стала ответом на формирование и укоренение буржуазных рыночных отношений, сопровождающиеся усложнением социальной структуры, отделением экономических форм жизнедеятельности от политических [30]. Все эти процессы не могли уже умещаться в рамках прямолинейного государственно-патерналистского правления. Они требовали установления гораздо более гибкого политического режима, чем тоталитарно-деспотический или авторитарно-феодальный государственный строй.

Демократия представляет собой весьма противоречивый, в чем-то парадоксальный феномен. Демократические революции обычно начинаются под аккомпанемент радикально-либеральных идей и при колоссальном народном

воодушевлении. Заканчиваются же они глубоким кризисом либерализма, массовым разочарованием и всплеском ностальгии по «сильной руке». Демократия ограничивает государственную власть, существенно повышает роль права и вместе с тем дает удивительные образцы государственного фетишизма и патерналистской психологии. Демократическая организация общественно-политической жизни создает условия для свободной самореализации личности и сама же ставит на ее пути разнообразные барьеры.

Впрочем, если вдуматься, в этом нет ничего удивительного. Демократия рождается в острейшей борьбе патерналистской и либеральной тенденций как определенный компромисс, фиксирующий стихийно достигнутый баланс: свобода отвоевывает себе часть экономического, социального и политического пространства, но власть такой ценой удерживает за собой «командные высоты» социального регулирования.

Послушаем на сей счет высказывания двух мыслителей, исповедовавших диаметрально противоположные социально-философские взгляды. Вот одно из них: «Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям» [31]. А вот другое: «Властолюбие и тиранство, неуважение к человеческой личности и свободе может проявляться в государстве демократическом в той же степени, что и в государстве монархическом» [32]. Очевидно, что авторы обоих утверждений едины в определении сущности демократии как политической формы, обеспечивающей верховенство государственной власти и проистекающего от нее принуждения в системе регулирования общественных отношений.

Демократический режим выступает следствием приспособления государственно-патерналистской системы к соответствующим историческим условиям. Здесь она сбрасывает грубую авторитарную шкуру, меняя ее на более привлекательные одежды. Разделение властей выглядит, безусловно, лучше полной концентрации власти. Законы, принимаемые избираемым народом парламентом, - лучше декретов, исходящих от деспотических правителей. Выборы - лучше власти, передаваемой по наследству, или того больше - захватываемой насильственным путем. Однако коренным образом ситуация не меняется: именно власть, а не свобода, продолжает оставаться желанной целью и центром притяжения основных социальных сил.

Предшествующие демократии патерналистские политические режимы можно уподобить человеческому детству, когда власть государства-отца незыблемо покоится на сплаве безусловного авторитета, абсолютной личной и экономической зависимости. Демократическая стадия больше напоминает этап юности. Общество уже не столь инфантильно, оно может позволить себе всплески юношеского максимализма, быть непочтительным к родителю, копить на него обиды. Однако твердо на ноги еще не встало и из-под родительской опеки не вышло, что проявляется при малейших трудностях: за помощью материальной и физической граждане демократического государства спешат, как правило, к власти, ожидая лишь от нее улучшения своей жизни.

7

Если согласиться с тем, что демократия знаменует собой «переходный возраст» человечества, то понятным становится та неприязнь, с которой к ней относятся многие окружающие. В самом деле, агрессивно-капризный, прыщавый подросток, зараженный комплексом неполноценности, вызывает намного меньше симпатий, чем очаровательный ребенок или солидный взрослый человек. Пожалуй, самая лестная ее характеристика дана У. Черчиллем, которая, став крылатым выражением, вынесена в эпиграф к настоящей главе. Все остальные - намного хуже.

Демократия обречена на то, чтобы не нравиться никому. Ни аристократу, презирающему власть толпы, ни плебею, разочарованному возможностями демократического государства установить твердый порядок и справедливое равенство. Ни либералу, видящему в демократии «тиранию большинства», ни стороннику «державного порядка», усматривающему в ней недопустимую степень дозволенности и анархии.

Как не странно, спасает и делает жизнеспособной демократию большое количество недостатков. Ф. Ларошфуко говорил, что «полностью отдаться одному пороку нам мешает, как правило, то, что у нас их много» [33]. Следуя этой логике, можно сказать, что у тоталитаризма по существу лишь один порок, одна болезнь. Организму, разъедаемому раковыми метастазами, не страшны простуды и ушибы. Демократия излечивает общество от онкологического заболевания, но для него тут же значимыми становятся сотни болячек, которые ранее были загнаны глубоко внутрь. Это новое состояние трудно переносится различными «клетками» и «органами» общественного «тела». Легче и быстрее других к демократическим условиям приспосабливается класс социальных паразитов, продолжающих высасывать общественные соки через государственно-властные каналы.

На первый взгляд, демократический строй, если и не способен ликвидировать бюрократию, то во всяком случае ослабляет ее, снижает степень бюрократического влияния на общественные процессы. Между тем бюрократический класс не просто выживает в условиях демократии, он успешно мимикрирует, обучаясь черпать в демократических процедурах основания своей легитимности и приспосабливать демократические процедуры для собственных нужд.

Особенно хорошо заметно это на примере нынешней российской действительности. Придя в себя, после «разгула демократии», бюрократический класс восстановил свои позиции, сплотившись вокруг центральной власти и используя в своих интересах демократические формы и атрибуты. Произошло то, чего так опасался И. Губерман:

> *«Российскую власть обесчещенной*
> *мы видим и сильно потоптанной,*
> *теперь уже страшно, что женщиной*
> *она будет мерзкой и опытной»* [34].

Сегодня уже нет необходимости разгонять парламент, когда он полностью подконтролен исполнительной власти с помощью самых простых методов «кнута» и «пряника». Нет смысла отказываться от института выборов, если на их исход можно повлиять посредством концентрации административных и финансовых ресурсов. Не нужно открыто бороться со свободой слова, если фактически поставить все основные средства массовой информации в экономическую и политическую зависимость от государства. Демократической же судебной реформой можно прямо назвать эскалацию репрессий в отношении судей, что сделает их абсолютно лояльными бюрократической воле.

Столь эффективному паразитированию бюрократии на демократических процедурах способствует обстановка периода, переживаемого российской демократией. Такой этап, когда требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка, характерен для финала любой революции [35]. Накопившаяся от революционного хаоса усталость, помноженная на социальные лишения, неизбежно приносимые любой революцией, рождают массовую тягу к укреплению власти, обеспечению хоть какой-нибудь стабильности. На этой волне бюрократический класс существенно усиливает свои позиции, уже не

только опираясь на аппарат принуждения и используя методы обмана, но и апеллируя к общественному мнению.

Среди бюрократии, разумеется, есть «просвещенная часть», понимающая необходимость либерализации экономической и политической жизни и пытающаяся проводить либеральные реформы, совпадающие до известных пределов с ее борьбой за власть и собственность. Но даже такая бюрократическая группа, будучи союзником либерального движения на определенных исторических этапах, никогда не сможет зайти слишком далеко. Ограничитель ее либеральных потуг - сохранение демократии, то есть государственного патернализма. Потому что при этом режиме бюрократия сохраняется как класс, продолжая оставаться собственником государства. Она, правда, уже вынуждена делиться этой собственностью, выполняя некоторые функции «на паях» с представителями общества, но в общем и целом сохраняет контроль за ней.

8

Подвергаясь естественному и «искусственному» отбору в ходе борьбы за выживание, бюрократия вырабатывает определенные идеологемы, призванные обосновать и обеспечить ее властное положение. Надо сказать, что эти идеологические семена находят довольно благодатную почву в обыденном массовом сознании, притупленном и развращенном многовековым господством государственного патернализма. Есть смысл хотя бы кратко остановиться на основных постулатах, культивируемых так называемыми государственниками, выполняющими на деле роль штатных и нештатных бюрократических идеологов.

Идея сильного государства. Это своего рода сверхустановка, главный идеологический «хит» бюрократии. Примечательно, что внедряется она в массовое сознание фактически путем внушения, без особой аргументации. Сильное государство рассматривается как самоценность, что органично ложится на социально-психологическую среду периода окончания демократической революции.

Более пытливым, разумеется, удосужатся разъяснить, что сильное государство необходимо для наведения порядка, борьбы с преступностью, решения социальных задач, обеспечения национальной безопасности, обороны страны и т.п. Но при всем том будут всячески камуфлировать два фундаментальных обстоятельства. Во-первых, усиливать предполагается лишь исполнительную власть, а отнюдь не законодательную и тем более не судебную. А во-вторых, усиление государства как института всегда происходит за счет ослабления позиций общества и личности. Подобно вампиру, государственная власть набухает, обескровливая питающие свободу социальные сосуды.

Нужна ли водителю сильная машина, способная выйти из-под его контроля или ему требуется послушный и надежный автомобиль, не таящий угроз создания аварийных ситуаций? Очевидный ответ на поставленный вопрос аналогичен решению проблемы «сильного» государства. Сила его должна быть направлена вовнутрь, на самоукрощение власти, предупреждение ее экспансии на «свободное поле» социального саморегулирования. Иначе говоря, оправдание силы государства может состоять лишь в выполнении миссии, которую А. Шопенгауэр называл «охраной против охранителя» [36]. Подобно Тени из пьесы Е. Шварца, государство должно «знать свое место», сосредоточиваясь исключительно на функциях, поручаемых ему дорожащим свободой и безопасностью обществом. Только в этом случае можно обеспечить его (государства) социальную эффективность.

Идея социального государства выглядит вроде бы безупречно, получая конституционное воплощение во многих демократических странах. Нередко с ней связывают облагораживающее влияние на государственную власть

гражданского общества. Однако, попадая во владение бюрократии, эта идея активным образом используется для дискредитации либеральных ценностей и поощрения государственного патернализма. Не случайно поэтому английский социолог Леонард Хобхаус еще в первой половине двадцатого века подметил, что социал-демократия сплошь и рядом прокладывает дорогу империализму [37].

Адресованные государству социальные ожидания поднимают его вес и престиж. Бюрократия искусно манипулирует ими с тем, чтобы, с одной стороны, не перегрузить себя излишними социальными обязательствами, а с другой - всячески поддерживая в обществе иллюзию справедливости и могущества государственной власти. В действительности же лозунг «социального» государства не означает ничего иного, кроме повышения роли бюрократии при распределении бюджетного пирога и других государственных доходов. Но чем больше удельный вес государственного распределения, тем выше уровень воровства, коррупции, тем острее социальное неравенство и глубже экономические диспропорции. Так красивая идея оборачивается своей противоположностью.

Тысячу раз был прав Н.А. Бердяев, утверждая, что «все утопии совершенного социального и государственного строя еще в большей степени отрицают ценность свободы и ценность личности, чем несовершенный государственный и социальный строй» [38]. Государство, принадлежащее бюрократии, по природе антисоциально и несправедливо. Разрастание его, следовательно, лишь множит несправедливость. Максимум социального эффекта, которого можно добиться от государственной власти, состоит в минимизации ее вмешательства в экономическую и социальную жизнь и концентрации на адресной помощи наиболее слабым группам населения. Критикам подобной точки зрения блестяще ответил Людвиг Мизес: «…Трудно понять, почему «государство - ночной сторож» должно быть более нелепым или плохим, чем государство, которое заботится о приготовлении кислой капусты, пуговиц для брюк или издательстве газет» [39].

Идея государственного регулирования (государственного контроля) как панацеи от социальных отклонений и угроз общественной безопасности. Она представляет собой конкретизацию предыдущих двух и совершенно бесхитростно квалифицирует государственное воздействие как универсальное и самое действенное лекарство против всех социальных недугов. С этой точки зрения, например, коррупцию надо пресекать не устранением засилья чиновников и зависимости от них граждан и организаций, а возведением все новых этажей государственного контроля. Так своеобразно применяется знаменитый воландовский рецепт «лечить подобное подобным», в данном случае множащий численность и влияние бюрократического класса.

Идея перманентной борьбы с внутренними и внешними врагами - старое, испытанное идеологическое оружие бюрократии еще с тоталитарных времен. Она направлена на оправдание усиления карательных, полицейских и милитаристских функций государства. Одновременно используется для нагнетания социальной напряженности и политической расправы с наиболее опасными противниками власти.

Идея государственной монополии на патриотизм. В русле подобного рода логики патриотизм провозглашается высшей добродетелью, а государство - единственным средоточием и символом патриотических ценностей. А посему: хочешь слыть патриотом - должен быть государственником или хуже того - империалистом. Естественно, чуждость державным устремлениям и приверженность либеральному мышлению объявляются в этой системе координат вражескими, «безродно-космополитическими» и антинародными проявлениями.

Давно известно, что «патриотизм есть последнее прибежище негодяя» [40]. Спекулирование на теме верности «отечеству» поддерживается человеческой

воинственностью и агрессивностью» [41]. Что же касается широкого понимания патриотизма, поднимающего его до гуманистических высот, то оно никак не укладывается в «прокрустово ложе» национальной государственности. Н.М. Михайловский в свое время справедливо замечал, что нельзя считать патриотизмом желание сохранить все предрассудки своей среды или государственное стремление к расширению своих границ [42]. С этих позиций несравненно патриотичнее граждане, добивающиеся от собственного государства соблюдения либеральных гуманитарных ценностей и тем самым способствующие экономическому прогрессу и нравственному спокойствию своего отечества.

9

Корыстное использование бюрократией демократических институтов способствует зарождению иллюзии о «первозданной невинности» демократии, грех в которую привнесен как бы извне. На этой почве возникают идеи очищения демократического строя от бюрократических извращений и отступлений. Увы, чистая, «дистиллированная» демократия существуют лишь в воображении ее апологетов. На практике же она всегда «управляема» «подконтрольна».

И дело не только в том, что в демократии, как правильно пишет О.Д. Волкогонова, изначально заложен вирус тоталитаризма [43]. Сам по себе демократический режим не способен преодолеть государственный патернализм и отнюдь не ведет к торжеству свободы. Права человека и гражданина, хотя формально и признаются здесь высшей ценностью, но лишь постольку, поскольку это установлено и гарантировано государственной властью. Потому и вопросы предела таких прав, толкования их содержания и объема относятся к ведению государственных органов и в значительной мере зависят от политической конъюнктуры.

Переход к либеральному типу социального регулирования осуществляется не просто через улучшение, а через преодоление демократии как последней стадии и высшей формы государственного патернализма. Это не значит, что либеральное движение должно оставаться равнодушным к степени бюрократизации демократической политической системы. Просто следует понимать, что целью этой борьбы является не совершенствование государственной власти, а ее обуздание и укрощение.

Как любое историческое явление, демократия, однажды появившись, обречена исчезнуть. В самой себе она содержит все внутренние противоречия, разрешение которых ведет к ее отрицанию и вместе с ней - всей эры господства патерналистского социального регулирования. Демократический строй не есть воплощение свободы, но зрелая демократия уже беременна ею, оплодотворенная семенами теоретического и практического либерализма, получающего в демократических условиях мощный дополнительный импульс.

Либеральные ценности, сосуществуя какое-то время с демократическими, исторически служат их отрицанием. Вопреки расхожему мнению, либерализм - не предтеча демократии, а идеологическое провидение следующей за ней фазы общественного развития. Да, в свое время различные либеральные учения одухотворяли демократические революции, возникновение и развитие демократических государств. Но это свидетельствует лишь о том, что от патерналистского типа социального регулирования к либеральному нельзя придти, минуя стадию политической демократии. Отсюда возникает миф, что либерализм исчерпывает себя в демократическом строе.

Демократию пытаются объявить высшей формой человеческой самоорганизации как добросовестно заблуждающиеся либералы, так и бюрократические идеологи. Первые - находясь в плену этатистских представлений о невозможности преодоления государственного патернализма и

видя в демократии наилучший образ организации политической власти. Вторые - желая законсервировать, пусть не в самом удобном для бюрократического класса виде, условия его выживания, сохраняющие отчуждение общества от государства и приоритет властно-принудительного социального регулирования перед автономно-либеральным.

Демократические институты выглядят весьма привлекательными и прогрессивными с либеральных позиций, если их противопоставлять институтам авторитарного и тем более тоталитарного государства. Но в сравнении с базовыми либеральными ценностями они архаичны и реакционны. Высшей и исторически последней формой государственного патернализма демократия является еще и потому, что здесь происходит его разложение и загнивание. При всех маневрах бюрократического класса рыночная экономика - эта верная спутница демократии - играет с ним злую шутку. Уже на этапе демократической революции наиболее гибкая часть бюрократии, воодушевленная лозунгом «обогащайтесь», начинает превращать коллективную государственную собственность в свою частную [44]. Процесс этот продолжается и на более поздних стадиях. Коррупция не есть нечто чуждое демократическому режиму. Напротив, ему она как раз гораздо более свойственна.

В условиях тоталитаризма власть, во-первых, имеет самостоятельную ценность, не сводимую к обладанию материальными благами, а во-вторых - предельно концентрирована, так что самостоятельный корыстный промысел отдельного бюрократа или бюрократической группировки весьма затруднен. При демократии, напротив, происходит известная девальвация политической власти, требующая для своего подкрепления ее конвертации в экономическую собственность. Одновременно общий государственный контроль ослабевает, а общественный не успевает набрать нужную силу. В такой обстановке государство все больше коммерциализируется, а бюрократия деклассируется, распадаясь на мелкие кланы, смыкающиеся с финансово-промышленными группами.

Кризис патерналистской системы, ее загнивание при демократии связаны еще и с тем, что демократическое государство - самое неэффективное. В авторитарных политических режимах основное назначение государственной власти видится в насилии по отношению к внутренним и внешним противникам. И надо отдать должное, с этими задачами «крутая» власть справляется, поскольку особо не отвлекается ни на что другое. Подавленное общество убеждено в изначальной святости и справедливости государства и всего, что оно делает. При демократии же уровень социальных требований к государственной власти резко возрастает. От нее ждут решения всех проблем, которые обостряются и усложняются в новой рыночной среде и неоднородной социальной структуре. Отделаться демонстрацией мускулов уже не получается, да и сами они становятся более дряблыми вследствие бюрократического ожирения. Реально же выступить в роли «Деда Мороза» государство никак не может. Могут возразить, что именно в условиях демократии обеспечивается наибольший экономический рост. Однако достигается он не благодаря, а вопреки государству, именно в силу того, что демократический строй по сравнению с другими государственно-патерналистскими режимами обеспечивает наибольший уровень экономической свободы и соответственно наименьшую степень государственного вмешательства в экономику. Как только же демократическое государство пытается взять на себя управление социально-экономической жизнью, оно демонстрирует вороватость и беспомощность. Поначалу это еще можно приписать конкретной властвующей группировке. Но рано или поздно общественному сознанию открывается истина, выраженная словами знаменитого крыловского «Квартета». Этот процесс совпадает с такими глубокими переменами в укладе жизни и практике социального регулирования, которые свидетельствуют о том, что демократия и вместе с ней государственный патернализм уже остаются в человеческом прошлом.

Глава 3. Постдемократическая метаэволюция

Все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы суть результат развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви…

Питирим Сорокин [45]

10

Зрелая, укоренившаяся демократия образует политическое бытие цивилизации, которую принято называть «западной». В отличие от «восточной» цивилизации, для нее характерно большее разделение политической (государства) и экономической (собственность) власти, формирование гражданского общества, определенный уровень личной свободы. Между тем, как, надеюсь, мне удалось показать, в рамках демократически организованной западной цивилизации не удается избыть государственный патернализм, который находит в ней последнее прибежище.

Переход к принципиально иному - неэтатистскому образу жизни и либеральному типу социального регулирования означает становление новой цивилизации, получившей наименование «постзападной» [46]. Этой цивилизации присуща соответствующая политико-правовая форма, которую можно условно назвать *постдемократией*.

Постдемократия представляет собой исторически первую фазу либеральной социально-регулятивной системы, характеризующейся устоявшимся на практике и признанным общественным сознанием приоритетом свободы перед властью, личности и общества перед государством, права перед политикой, консенсусно-договорного регулирования перед административно-распорядительным. В условиях постдемократии начинает, наконец, разрешаться отнюдь не антагонистическое противоречие между индивидуальной свободой и социальной справедливостью, поскольку здесь всем, в том числе объективно слабым членам общества, надежно гарантируются возможности выживания и самореализации.

Впрочем, подробный анализ особенностей становления и функционирования постдемократического строя ждет впереди. Сейчас же важно подчеркнуть, что его гены заложены в структуре западной цивилизации, а переход к нему осуществляется путем качественного скачка особого рода, который разительно (так и хочется, несмотря на тавтологию, сказать «качественно») отличается от всех предшествующих общественно-политических трансформаций. Во-первых, по масштабу преобразований, которые охватывают все стороны и сферы человеческой жизнедеятельности. Во-вторых, по их глубине, поскольку речь идет о тектонических, коренных изменениях социального бытия и духовного мировосприятия. В-третьих, по длительности и постепенности движения к постдемократии. Как отмечал Бертран Рассел, к исчезновению «права власти» могут привести только мир и длительный период постепенных улучшений [47]. Наконец, в четвертых, по характеру качественного скачка, который диаметрально противоположен революционным и на порядок сложнее традиционно понимаемых эволюционных процессов. Вот почему его можно обозначить термином «*постдемократическая метаэволюция*».

11

Одним из отличий эры господства патерналистских начал является революция как радикальная форма исторического развития. В мою задачу не входит подробное исследование причин и закономерностей революционных процессов.

Важно лишь подчеркнуть, что все революции нещадно эксплуатировали идеи свободы, а на деле решали вопросы власти [48]. Вообще парадокс истории заключается в том, что побежденные политические революции приносили обществу гораздо больше свободы, чем победившие. Для примера достаточно вспомнить последствия революций 1905 и 1917 годов в нашей стране.

Здесь нет ничего странного. Побежденные революции, не достигнув власти, вместе с тем ослабляли ее диктат, расширяли сферу свободы, вынуждали напуганных правителей проводить реформы в духе прогрессивных революционных требований. В то же время приход революционеров к власти объективно усиливал ее, ограничивал свободу, в результате чего декларируемые цели революции тонули в борьбе за удержание и упрочение власти.

При всей своей бесчеловечности, отмечавшейся многими гуманистическими мыслителями, революция представляет собой типичный для государственного патернализма и неизбежный способ разрешения острейших социальных противоречий. Иногда кажется, что революционных потрясений можно избежать: достаточно лишь вовремя провести назревшие преобразования, немного умерить аппетиты власть имущих, чуть-чуть помочь слабым и обиженным. Беда, однако, не в субъективных ошибках и слабостях конкретных властителей. Как справедливо замечают авторы фундаментального исследования феномена революции И.В. Стародубровская и В.А. Мау, одной из основных причин революционных процессов является неспособность к гибкой адаптации систем, основанных на централизованном управлении [49]. Говоря иначе, авторитарное государство имеет стойкий иммунитет против либерального самореформирования, без которого невозможна прогрессивная социальная эволюция. Владеющая им бюрократия, как уже отмечалось, имеет своей сверхзадачей сохранение и корыстное использование властных позиций. Последовательное же осуществление этой цели по неумолимой логике приводит к резкому социальному расслоению, массовому обнищанию, отчуждению людей от социальных и политических институтов. Все индивидуально-человеческое и общественное подавляется. Происходит, по выражению Питирима Сорокина, биологизация людей [50]. Революционный взрыв напрямую проистекает из кризиса власти и всей системы государственного патернализма.

Вместе с тем революция есть еще более авторитарное явление, чем тот авторитарный режим, против которого она направлена. По словам Н.А. Бердяева, «в революции догнивает то, что было гнило в старом дореволюционном строе» [51]. Характерная для первой фазы революции ситуация «хаоса», «безвластия», «паралича власти» связана с тем, что авторитарные отношения достигают критического пика в своем развитии, когда борьба за власть становится главным движущим мотивом огромных масс людей. В связи с этим не могу согласиться с мнением о том, что особенность любой революции состоит в слабости власти [52]. Слабыми, неспособными контролировать ситуацию оказываются отдельные правительства. В целом же революционная ситуация дает настоящее пиршество авторитаризма. Ничто так не возвеличивает власть и не дискредитирует свободу, как революционная стихия. Не случайно она рано или поздно сменяется уже упоминавшейся ранее стадией, на которой происходит новый виток укрепления государственности.

Характер власти и формы ее отправления революция все же меняет, приспосабливая их к новым социально-экономическим и нравственно-психологическим реалиям. Демократическое государство так же формируется вследствие соответствующей революции, отрицающей предшествующий тоталитарный или авторитарный строй. И на этом история революций завершается. Величайшей заслугой демократии можно считать ее способность к мирному эволюционированию, исключающему неотвратимость революционных скачков. Эту ее важнейшую социальную миссию выделял Людвиг Мизес, отмечавший, что демократия «позволяет адаптировать правительства к желаниям управляемых без насильственной борьбы» [53]. На ранних этапах

демократического развития, правда, возможна революция «с обратным знаком», нацеленная на реставрацию авторитарного правления. Революционный же переход к более прогрессивному политико-правовому режиму по определению невозможен. Скачок в царство свободы есть принципиальный антипод революции. Равно и вообще насилие в любом виде не может быть методом либеральных преобразований. Красивая фраза Томаса Джефферсона о том, что для дерева свободы естественным удобрением является кровь тиранов и патриотов [54], на деле санкционирует допускаемую революционным демократическим сознанием варварскую хирургию там, где требуется предельно щадящая общественный организм терапия.

12

Обозначим наиболее общие черты постдемократической метаэволюции.

Во-первых, она меняет не вид власти, а ее природу, место и роль в общественной и индивидуальной жизни. Если демократическая революция отрицает авторитарную государственность, то постдемократическая метаэволюция приводит к отрицанию всего государственного патернализма. Демократия ведет к наиболее либеральной форме государственного руководства обществом и отдельными гражданами. Постдемократия вытесняет государство из большинства сфер социального регулирования, а оставшееся государственное управление подчиняет жесткому общественному контролю.

Во-вторых, в отличие от демократическая революция, которая лишь меняет облик и образ действий бюрократии, постдемократическая метаэволюция по сути ликвидирует ее как класс, как самостоятельную социальную страту, приватизировавшую государство.

В-третьих, метаэволюция носит естественно-исторический характер. Ее вектор принципиально соответствует человеческой природе, базовым инстинктам и потребностям людей. В конечном счете к либеральной постдемократии ведет глобальная необходимость выживания, самосохранения человечества [55]. Ибо в условиях колоссально усложняющейся материальной и социальной «природы вещей» выжить может лишь цивилизация, обеспечившая качественно новый масштаб свободы и соответствующей ему уровень социальной ответственности.

В-четвертых, метаэволюция, стихийно творимая в ходе сознательной деятельности людей, сама преображает своих творцов. Революции будят в человеке зверство, ненависть, агрессию, самую черную зависть и другие низменные качества. Вовлеченность же в постдемократические процессы облагораживает личность, пробуждает в ней «чувства добрые», стимулирует осознанное и добровольное желание «жить единым человечьим общежитьем». Эти взаимосвязанные процессы можно назвать «социализацией личности» и «либерализацией общества», которые в качестве важнейших направлений движения к либеральной постдемократии станут предметом нашего рассмотрения в третьей части настоящей работы.

В-пятых, метаэволюция совершается в правовых формах и сама ведет к полному торжеству права. Насилие, социальный бунт категорически исключены в качестве средств утверждения свободы. Их применение пролагает путь в строго противоположном направлении.

В-шестых, метаэволюционный процесс глобально интернационален. Состояние несвободы нельзя преодолеть, пока мир разделяют национально-государственные перегородки, пока существует колоссальная пропасть между респектабельным «Севером» и маргинальным «Югом», пока людей раздирает религиозная или этническая вражда. Поэтому необходимой предпосылкой становления либерального типа социального регулирования является выравнивание социально-экономических, политико-правовых и культурно-этических условий жизни всех стран и народов.

Следствием постдемократической метаэволюции становится изменение всех базовых параметров социальной структуры. Народовластие уступает место социальному саморегулированию. Гражданское общество преобразуется в либеральное. Демократическое государство трансформируется в правовое, а верховенство закона сменяется приоритетом договора как правового регулятора. Очевидно, что без сравнительного анализа этих институтов невозможно проникновение к сути грядущего либерального бытия человечества.

ЧАСТЬ II. ДЕМОКРАТИЯ И ПОСТДЕМОКРАТИЯ: СРАВНЕНИЕ В ПОЗНАНИИ

Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли равно, Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи…
- Вот счастье! вот права…

Александр Пушкин [56]

Глава 4. Народовластие и саморегулирование

Народность не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая сила, природная и историческая, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование.

Владимир Соловьев [57]

Вовсе не источник власти, а ее ограничение является надежным средством от произвола.

Фридрих Август Хайек [58]

13

Народовластие образует сердцевину, самую суть демократии. При всей кажущейся либеральности это сугубо патерналистский принцип, исходящий из того, что государственная власть является важнейшим организующим, социально-регулятивным центром. Отличие от иных этатистских систем состоит лишь в источнике власти и, следовательно, в формах и методах ее осуществления. Источником же власти признается народ, то есть большинство активной части населения.

Примечательно, что именно народ, а не общество. Последнее либо полностью поглощается государством (при тоталитаризме), либо так или иначе противостоит ему. Общественное самоуправление (и тем более саморегулирование) предполагает определенное отделение от государства. Общество состоит из относительно самостоятельных социальных субъектов, народ - из граждан, а то и вообще из подданных. Принцип народовластия исходит из признания верховенства государства, его сакрального характера. Только здесь божественной силой и венценосным ореолом наделяется не монарх или диктатор, а народ, который, надо сказать, непосредственно отправляет свою волю лишь в ходе выборов и очень редких да к тому же

организуемых государственной бюрократией референдумов.

При всех гарантиях прав отдельных индивидов и различных демократических процедурах народовластие в лучшем случае означает власть большинства, что само по себе ничуть не более либерально, чем единоличное или олигархическое правление. По утверждению П.И. Новгородцева, принцип большинства есть вместе с тем принцип господства вопреки меньшинству, и одно это является отступлением от принципа автономии личности [59]. Даже в идеальном виде народовластие выступает инструментом, посредством которого воля большей части общества навязывается меньшей его части от имени государства и под угрозой государственного принуждения.

В то же время на практике и сам принцип господства большинства оказывается не более, чем декларацией. Один из основоположников классического либерализма Алексис Токвиль убедительно показывал, как представления и чувства людей в демократических обществах естественным образом способствуют концентрации власти [60]. Существующая же в них объективная тенденция к уравниванию граждан «порождает у людей эпохи демократии очень высокие представления об общественных прерогативах и чрезмерно скромное - о правах личности» [61]. Продолжая эту мысль, Эмиль Фаге приходит к выводу, что народ-суверен может легко уничтожить права индивида. Поэтому с его точки зрения соединение в одном конституционном документе принципов народовластия и личной свободы равнозначно соединению воды и огня [62]. Демократическое правление может быть более или менее разумным, более или менее коррумпированным, более или менее социально ориентированным. Оно может быть даже достаточно либеральным по содержанию и направленности политического курса. Но оно не является либеральным по своей природе и основаниям, по методике регулирования общественных процессов. Власть при развитой демократии менее всего угрожает свободе, но она все равно имеет перед ней приоритет и в массовом сознании, и в практической жизни.

Народовластие не отрицает, а, напротив, предполагает существование бюрократии. Меняется лишь вектор формальной ответственности государственных аппаратчиков: теперь они отвечают не перед единоличным правителем, получившим власть по наследству или силой, а перед избранными народом органами власти. Но, как уже отмечалось, бюрократический класс продолжает оставаться хозяином положения, становясь в условиях народовластия особенно изощренной и циничной. Что вполне понятно: прямые методы расширения своих возможностей и влияния здесь проходят труднее, так что приходится бороться за существование, используя демократические институты и процедуры. Конечно, отдельные зоны высвобождаются от бюрократического вмешательства. Но государственная власть продолжает оставаться «солнцем», вокруг которого вращается и от лучей которого жизненно зависит «планетарная» общественная система.

14

Чем больше общество и отдельные индивиды освобождают места от государственного воздействия, тем все в меньшей степени существующий общественно-политический режим можно назвать демократическим, базирующимся на народовластии. Постдемократия отрицает народовластие, поскольку последнее является формой, пусть высшей, зависимой от государства организации общественной жизни. В отличие от деспотических режимов, демократия не посягает на свободу, она ее признает и даже пытается защитить. Можно сказать, что демократия поневоле удочеряет свободу. Демократическая власть в отдельных случаях лучше заботится о своей падчерице, в других - хуже, но отношения кровного родства между ними, естественно, так и не возникают. В условиях народовластия свобода способна выжить и «прокормиться», но живет она в чужом доме по доброй воле хозяина.

Напротив, в условиях постдемократии свобода сама становится хозяйкой,

домовладелицей, низводя власть до положения служанки. Принципиально важный политический вопрос о том, кто находится у власти, для свободного, преодолевшего этатистскую зависимость общества имеет весьма малое значение. Потому что отношения власти и подчинения уступают место саморегулированию, основанному на добровольных и сбалансированных соглашениях (договорах), оправдавших себя правовых и нравственных обычаях. Конечно, и при постдемократии остается необходимость в принуждении, но оно строго ограничено и границы эти незыблемы.

Народовластие не только не исключает борьбы за власть, но, напротив, открыто признает существование такой борьбы и пытается регулировать ее процесс. Отсюда и выборы, и многопартийная система, и разделение властей. Важнейшее завоевание демократии - вытеснение откровенно насильственных способов политической борьбы. Формально власть можно получить только от народа на выборах. На деле игроки на политическом поле намного активнее достаточно инертного арбитра в лице избирателя. Политические партии, мало-мальски владеющие технологией манипулирования массовым сознанием, постоянно переигрывают легковерный народный электорат. Однако они сами зачастую не выдерживают соперничества с бюрократическим классом. Более того, служат своего рода бюрократическим инкубатором, регулярно поставляя кадры для аппарата исполнительной власти. В результате полное подтверждение получают слова итальянского политолога Гаэтано Моска о непреодолимости для демократического большинства тотальной власти организованного меньшинства [63].

В борьбе за власть участвуют, как правило, два типа людей. Первые стремятся получить власть как средство реализации собственных притязаний - честолюбиво-карьерных, конъюнктурно-корыстных, авторитарно-волевых или иных. Все они, независимо от мотивации, признают государственную власть главным, если не единственным, источником реализации своих и чужих интересов. Явное преобладание этой категории политических деятелей привело Альбера Камю к неутешительному выводу, что «те, в ком есть благородство, политикой не занимаются» [64]. К счастью, существует другой тип, хотя и гораздо менее многочисленный. К нему относятся либерально мыслящие граждане, больше всего остального ценящие свободу и ее составляющие: независимость, самостоятельность, личную ответственность. Они вступают в политическую борьбу тогда, когда власть им особенно докучает, с тем, чтобы посредством ограничения ее изнутри защитить свою и чужую свободу. Надо признать, что развращающее влияние власти столь велико, что прорвавшиеся к ней либералы нередко перерождаются и пополняют ряды носителей бюрократического сознания и культиваторов ценностей государственного патернализма. Вместе с тем какая-то часть все же сохраняет прежние убеждения, в том числе под воздействием либерально ориентированного электората. Они и образуют пятую (если, конечно, существуют четыре другие) колонну постдемократии в парламентском здании демократического режима.

В условиях социального саморегулирования отпадают основные стимулы политической борьбы. Власть перестает быть большим фонтаном жизненных благ и главным средством удовлетворения личных амбиций. Навсегда в прошлое уходят сакральное отношение к государственной власти и пиетет перед ее представителями. С другой стороны, нет уже никакой необходимости прорываться во власть для защиты свободы. Отправление немногочисленных государственных функций становится сугубо профессиональным делом, лишенным политико-статусной основы. В большинстве жизненных ситуаций люди начинают обходиться вообще без государственно-властного посредничества, подобно тому, как уже сейчас светофор успешно заменяет постового-регулировщика. В этих условиях борьба за власть сходит на нет, трансформируясь в определенную форму конкуренции за рабочие места на сохраняющихся государственных должностях, отправление которых находится под жестким общественным контролем.

Социальное саморегулирование не следует путать с общественным самоуправлением. Последнее - продукт и неотъемлемый элемент представительной демократии. Самоуправление предполагает выборность общественных органов, наделенных некими властными полномочиями. Муниципальное и общественное самоуправление, отделенное от государства, выполняет крайне важную функцию в демократической политической системе, выступая определенным противовесом государственной власти, способствуя разделению властей по вертикали. Тем самым создаются дополнительные гарантии от бюрократического произвола, а функционированию власти объективно придается большая социальная направленность.

Однако самоуправление не предохраняет общество от злоупотреблений со стороны выборных, представительных органов и их должностных лиц. Оно не свободно от гена бюрократизма, из которого рано или поздно произрастает отчуждение сформированных органов самоуправления от своих избирателей. Еще классик английского либерализма Джон Стюарт Милль подметил, что «так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собою, а такое, где каждый управляется всеми остальными» [65]. Общественное самоуправление в полной мере соответствует режиму народовластия, где система социального регулирования базируется на началах власти и подчинения.

Социальное саморегулирование означает преимущественно добровольное принятие на себя каждым индивидом подавляющего большинства обязанностей перед другими людьми и обществом в целом. Замечу, что здесь и речи быть не может об обязанностях перед государством. Продолжая ранее начатую аналогию, замечу, что водитель несет обязанности перед своим автомобилем разве только в фигуральном смысле. Государство же в условиях постдемократии перестает быть «одушевленным» предметом и водворяется в состояние машины. Конечно, продолжает оставаться круг определенных публичных, общеобязательных норм и установлений, сформулированный в основном в виде запретов и направленных на обеспечение свободы каждой личности. Большинство из них достаются постзападной цивилизации в наследство от демократического строя. Но их соблюдение здесь гарантируется не столько авторитетом власти и угрозой государственного принуждения, сколько доходящим до уровня привычки стремлением индивида и общества защитить собственную свободу. Запреты и ограничения, покоящиеся на либеральных основаниях, не воспринимаются как навязанные извне и чужие моей воле. Либеральная общественная мораль - самая доступная и близкая любому нормальному человеку, который лично заинтересован в недопустимости посягательств на жизнь, здоровье, неприкосновенность, честь и достоинство.

Глава 5. Гражданское общество и либеральное общество

Гражданское общество предполагает государство,
которое оно, чтобы пребывать, должно иметь
перед собой как нечто самостоятельное.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель [66]

Свободны не те, кто дожил до свободы,
а те, кто свободными стали.

Игорь Губерман [67]

Гражданское общество формируется на обломках тоталитарного (деспотического) или феодально-сословного строя, при котором социальные структуры полностью либо полностью поглощаются государством и растворяются в нем, либо производны от структур политических.

Разрушение в ходе демократической революции государственной монополии на руководство всей общественной жизнью выявляет неоднородность социального организма, обнажает и обостряет классовые, групповые и корпоративные противоречия, ведет к формированию обособленных социальных общностей, которые формируются на основе тех или иных тождественных (идентичных) потребностей и интересов. Атомарная, примитивная социальная структура меняется все более усложняющейся. Покорное, абсолютно лояльное, предельно приниженное равенством в нищете и повседневным произволом общество вдруг обретает собственные притязания и чем дальше, тем больше начинает отделять себя от государства.

Становление и развитие гражданского общества - важнейшая веха и сильнейший катализатор социального прогресса. Его появление, по справедливому утверждению Эрнеста Геллнера, «позволило разомкнуть круг, связывающий воедино социальную жизнь, веру и власть» [68]. Наличие гражданского общества является непременным условием утверждения демократии и последовательной либерализации политической жизни. Между тем его существование имеет свои объективные исторические границы, не выходящие за пределы традиционной западной цивилизации и патерналистского типа социального регулирования.

Гражданское общество отделено от государственной власти, но оно не свободно от нее. Социальное назначение гражданского общества - посредничество между гражданами, их объединениями и государством. Различные институты гражданского общества - политические партии, общественные объединения, предпринимательские и некоммерческие организации, средства массовой информации - борются за влияние на власть в интересах определенных социальных групп, в лучшем случае могут даже претендовать на роль равноправных партнеров государства, но они далеки от того, чтобы отрицать верховенство начал власти и подчинения в социальном регулировании. Как раз напротив, гражданское общество заражено бациллами государственного патернализма. Основное его требование к власти: «дай». Нетрудно заметить, что подавляющее большинство существующих в современной России хозяйствующих субъектов и некоммерческих организаций озабочено пробиванием или отстаиванием в различных государственных инстанциях льгот, преимуществ, дотаций, других материальных благ или облегченного доступа к ним.

Особую группу составляют правозащитные организации, специализирующиеся на защите граждан от произвола государственной власти. При демократии происходит определенная эволюция правозащитного движения. В условиях авторитарного правления правозащитная деятельность имеет откровенно политический характер и преследует цель демократизации государства. Достижение этой цели, однако, качественно меняет состав и направленность деятельности правозащитников. Диссидентство, оценивавшееся ранее как геройство и подвижничество, теперь воспринимается с раздражением как нечто совершенно бесполезное. На первый план выдвигаются деятели, способные оказать конкретную юридическую помощь в жилищных, трудовых и иных совершенно земных отношениях. На смену политическим трибунам приходят адвокаты, обреченные на конформистское поведение по отношению к власть имущим, от которых зависит решение волнующих граждан проблем. Поэтому правозащитное движение, функционирующее в рамках гражданского общества, объективно настроено не на борьбу, а на сотрудничество с государственными органами. Профессионализация правозащитного движения в известной мере происходит за счет его приспособления к патерналистской системе.

Конечно, в структуре любого гражданского общества наличествуют и последовательно либеральные силы, которые адресуют государству принципиально иное требование: «не мешай». А если уж чего и просят дать, то только свободу. Однако они долгое время остаются в меньшинстве и объективно вытесняются на социально-политическую обочину. При всем том, что предоставить свободу несравненно легче, чем существенно повысить уровень жизни населения, бюрократия предпочитает иметь дело с патерналистски ориентированными институтами гражданского общества, поскольку последние ждут милости только от государства и объективно способствуют усилению бюрократии. Либерально же ориентированные общественные структуры по сути посягают на сами основы существования бюрократического класса.

17

Гражданское общество, добиваясь от государства отдельных социальных благ и выгод, не способно выиграть у него стратегическое сражение. Более того, сам факт существования ‚civil society‘ легитимизирует бюрократию, деятельность которой «освящается» неким социальным смыслом. Кроме того, бюрократические деятели прекрасно используют неоднородность общественных структур, натравливая одни социальные группы на другие, разжигая противоречия между ними в целях оправдания государственно-властного регулирования и усиления бюрократического аппарата.

Категория гражданского общества характеризует процесс объединения людей, создания социальных общностей, ассоциаций. Между тем их учреждение выступает актом не столько свободы, сколько вынужденной необходимости, проистекающей из социально-политической слабости индивидов, их неспособности в одиночку противостоять государственному и частному произволу. Однако эта слабость сказывается и на результатах социального строительства, когда уже не люди контролируют ассоциации, а последние господствуют над своими членами и участниками. Особенно характерно это проявляется в организации и деятельности профсоюзов. Но и любое другое общественное объединение рано или поздно отчуждается от своих учредителей, отрывается от их коренных интересов, начинает жить собственной жизнью. В структурах гражданского общества большую свободу обретают, пожалуй, лишь активные функционеры, занимающейся общественной деятельностью на профессиональной основе и находя в ней возможность личностной самореализации. Все же остальные участники того или иного формального общественного объединения в лучшем случае могут воспользоваться лишь теми благами, которые это объединение вырвало у государства. Но более свободными и ответственными они при этом, как правило, не становятся.

Гражданское общество, закрепляющее социальное многообразие, возрождает после тоталитарной спячки и идеологическую полифонию. При этом, однако, идеологические воззрения, особенно на первых порах, заражаются утилитаризмом и примитивным практицизмом. Аксилогический (ценностный) подход признается старомодным. Первоначальное накопление капитала в экономике и захват бюрократией демократических институтов сопровождаются деморализацией общества.

Все это имеет место в современной России, но здесь нет ничего нового. Достаточно вспомнить идеи И. Бентама об общей пользе и целесообразности, отразившие аналогичный этап развития капиталистических отношений на Западе. Нашим доморощенным идеологам «единства с властью», «нового поколения» или «идущих вместе», конечно, далеко до Бентама и его последователей по глубине мысли, но социальную миссию они выполняют ту же - попытку идеологического оправдания бессовестного, безнравственного, вульгарно-прагматичного поведения. В то же время надо понимать вполне закономерный характер морального кризиса гражданского общества, раздираемого социальными противоречиями и не способного пока еще

вырваться из тисков государственности.

Нетрудно заметить, что и внутренняя организация структур гражданского общества строится по образу и подобию государства. В них, как правило, торжествует демократический централизм, формально нацеленный на подчинение меньшинства членов объединения большинству, а на деле узаконивающий власть исполнительно-административного аппарата и его руководства. Не случайно российское демократическое государство, умело направляемое бюрократией, охотно закрепляет принцип демократического централизма как законодательное требование ко всем общественным объединениям и, особенно, политическим партиям.

18

Тем не менее «пьяный воздух свободы» со временем делает свое дело: происходит неуклонная либерализация гражданского общества. На фоне общей и все возрастающей разочарованности в способности государства и политических партий разрешать социально значимые проблемы в недрах гражданского общества вызревают механизмы саморегулирования. Более подробно этот процесс будет рассмотрен позднее. Здесь же подчеркну, что его результатом становится качественное преобразование гражданского общества в либеральное.

Среди существенных и взаимосвязанных признаков либерального общества можно выделить следующие.

1. Либеральное общество на деле признает свободу и достоинство личности наивысшими социальными ценностями, которые, будучи ограничены лишь аналогичными правами других людей, не могут быть ни при каких обстоятельствах принесены в жертву никакой другой ценности или цели. Собственно говоря, свободная самореализация каждого человека составляет наиглавнейшую цель, социальный смысл существования и развития постдемократической организации общественной жизни.

2. В силу реально гарантированного приоритета личностных интересов в либеральном обществе преодолеваются социально-классовые и корпоративные противоречия или, во всяком случае, снимается их острота. Такое общество культивирует и поощряет уважение к человеку как индивиду и члену социума безотносительно к его локальному статусу, групповой и профессиональной принадлежности. Вместе с тем принципиально важно отметить, что индивидуализация общественных ориентаций происходит не за счет упрощения социальной структуры. Последняя, напротив, на несколько порядков усложняется: резко возрастает количество социальных ролей, выполняемых каждым индивидом; все более разнообразными и многочисленными становятся общественные объединения; формируется многослойная сеть горизонтальных связей между людьми и социальными общностями, функционирующими намного эффективнее властной вертикали. Именно при такой сложной структуре общественного взаимодействия преодолевается отношение к личности как частичке локального социального образования: класса, группы, партии, корпорации и т.п. Многообразие институтов и отношений, участником которых является каждый социальный субъект, поднимает его индивидуальность на высоту социального целого.

3. Либеральное общество поднимается также и над национальными противоречиями, не в коей мере не нивелируя национально-культурного многообразия. Индивидуализация социальных приоритетов неизбежно возвышает национально-государственный патриотизм до планетарного и даже галактического масштаба. Человек, равно уважаемый во всех странах и всеми народами, не может воспринимать себя иначе, как гражданином мира.

4. Качественно иным, естественно, является отношение либерального общества к государству. Последнее рассматривается здесь не как источник и носитель верховной воли и даже не как равноправный партнер, а как вспомогательный механизм (далеко не самый лучший, постоянно рискующий выйти из под контроля), используемый для решения строго ограниченных задач. Либеральное общество осознает себя полным хозяином государства, культивирует сугубо утилитарное отношение к нему, снижает моральную ценность государственной власти. Сохраняющиеся в постдемократическом общественном устройстве отдельные государственные институты занимают подобающее им достаточно скромное место в системе социального обслуживания. Причем, в отличие, скажем, от здравоохранения, образования, торговли, государственная форма обслуживание потребностей либерального общества постоянно подвергается сомнению и сразу же отправляется в утиль, как только находятся эффективные негосударственные методы решения соответствующих проблем.

5. Исходя из сказанного выше, ясно, что либеральное общество отдает приоритет саморегулированию как базовому способу организации и упорядочения социальных и межличностных отношений. Императивный, публично-властный метод используется в жестко заданных пределах и под общественным контролем.

6. Духовная практика либерального общества вытесняет идеологию как доминанту общественного сознания. Эта особенность связана с уже отмечавшейся дефетишизацией социально-классовых и национальных интересов, выражением которых в конечном счете служит любая идеология. Главными мотивационными факторами для людей становятся право и либеральная мораль, ориентированные на обеспечение личной свободы и общесоциального баланса интересов. Общечеловеческие ценности, гонимые тоталитарным режимом и дискредитируемые бюрократическими идеологами эпохи первоначального накопления капитала, возвращаются в духовную жизнь либерального общества, обогащенные непростым опытом демократического образа жизни. Постдемократическая метаэволюция, будучи по сути скачком из царства власти в царство свободы, по другой своей важнейшей характеристике является прорывом из царства идеологии в царство права и нравственности.

7. Либеральное общество решительно отказывается от демократического централизма как организационного принципа функционирования объединений и ассоциаций граждан. Он заменяется принципом учета и согласования воли и интересов всех участников такого общественного формирования.

Глава 6. Демократическое государство и правовое государство

Учреждения политические, юридические, законодательные и прочие подобные, на что они? Для поправления вреда, ими же сделанного.

Петр Чаадаев [69]

Свобода может быть завоевана только в том случае, если власть преодолевается правом.

Карл Ясперс [70]

19

Прежде всего, разберемся с понятиями. Согласно распространенной точке зрения правовое государство соответствует режиму политической демократии. Это заблуждение объясняется тем, что демократические революции, как правило, обосновываются либеральными идеями. Идеям вообще свойственно забегать вперед по сравнению с настоящей реальностью и даже ближайшим будущим. Иначе это ближайшее будущее, достаточно отвратительное в действительности, не выглядело бы столь привлекательным для больших масс людей. Но без него, увы, невозможно было бы и движение к воодушевляющей перспективе.

Потом, на определенном этапе наступает похмелье. Люди разочаровываются в результатах революции и склонны винить в них «незадачливых» либеральных мыслителей. Им невдомек, что их собственное несовершенство, духовная бедность, забитость, привычка к несвободе и зависимости от власти служат главным тормозом на пути реализации подлинно либеральных идей. Поэтому приходится довольствоваться их демократическими суррогатами.

Правовое государство в условиях демократии - не более чем декларация, такая же, как приоритет прав и свобод человека и гражданина. Его можно также считать идеалом наиболее продвинутой, свободолюбивой части общества, целью политической борьбы либерального движения. Что же касается реального демократического государства, то оно качественно отличается от государства правового, которое появляется только в условиях постдемократии и либерального общества.

Нередко правовое государство именуют еще и либеральным. Этот термин представляется уже принципиально неприемлемым. Государство как организация политической власти по сути своей антилиберально. Требовать от него уважения и тем более любви к свободе - опаснейшая из иллюзий. Образно говоря, государство есть хищник, которого можно более или менее ограничить в аппетитах, загнать в клетку, в конце концов приручить, но никогда не сделать травоядным. Государственную власть рано или поздно удастся заставить не мешать осуществлению человеческой свободы. И это максимум, чего от нее можно добиться.

20

Демократическое государство претендует на руководство и реально руководит обществом. Оно воплощает в себе и народный суверенитет, и территориальную общность населения, и национальную символику. Иначе говоря, государство представляет и даже подменяет страну и ее жителей, выступая для них важнейшим объединяющим фактором. Методы руководства здесь, естественно, иные, чем при тоталитаризме или авторитарной тирании. И все же общество и личность продолжают испытывать сильнейшую зависимость от демократического государства, разве что страх перед ним у них убавляется.

Правовое государство, как это ни выглядит кощунственным, не управляет обществом. Наоборот, оно подчинено и подконтрольно ему. Предвижу едкие насмешки оппонентов: государство, не управляющее, не руководящее, не отправляющее власти, государством не является. Да, в известном смысле, правовое государство (вспомним классиков марксизма) это уже «полугосударство», оно не есть «государство в собственном смысле слова». Но не потому, что, как считал В.И. Ленин, в управлении начинает участвовать большинство населения [71], а потому, что само управление перестает играть прежнюю роль в организации общественной жизни. Пользуясь выражением французского политолога Мишеля Крозье, государственная власть становится

все более скромной [72]. Органы и должностные лица правового государства выполняют определенные властные функции: организация общественной безопасности, административное и уголовное преследование, правосудие, оборона страны и другие. Но ни один из них и все вместе не могут претендовать на руководство обществом, навязывание ему бюрократической воли, вмешательство в сферы, выходящие за пределы их прямых полномочий.

Демократическое государство постоянно пытается перетянуть на себя «одеяло» общественных дел и проблем. Именно с государственной властью, с президентом и (или) правительством связывает большинство населения состояние и перспективы едва ли не всех сторон своей жизни. И такая установка - не только следствие рудиментов тоталитарного сознания, но и естественный продукт демократической среды, которая к тому же периодически загрязняется бюрократическими миазмами, поддерживающими и распространяющими бациллы государственного патернализма.

Напротив, правовое государство имеет жесткие и все более сужающиеся границы своей деятельности. Не имея никакого пиетета перед государственностью, постдемократическое либеральное общество по мере своего развития все больше вытесняет государство из процесса социального регулирования, замещая властные механизмы договорно-правовыми и морально-психологическими. Там же, где авторитарно-волевых методов не удается избежать, общество стремится поставить государственные функции под свой контроль. Эта тенденция прослеживается уже сегодня. При всем формальном характере и нынешней неэффективности институтов уполномоченного по правам человека или гражданского министра обороны они служат прообразами тех социальных рычагов, с помощью которых общество обуздывает самовластие государства и бюрократический паразитизм.

Полугосударственный характер политической организации постзападной цивилизации проявляется еще и в том, что даже в целом ряде важнейших сфер, связанных с необходимостью применения принуждения, общественные представители берут на себя эти функции, оттесняя государственных чиновников. Наиболее наглядный пример - суд присяжных. Но и парламент - это уже не чисто государственное, а во многом и общественное образование, и перспективы развития парламентаризма связаны, по моему глубокому убеждению, как раз со все большим слиянием с обществом и отделением от исполнительной власти.

21

Демократическое государство формально провозглашает приоритет права перед политикой и конституирует в высший ранг права и свободы человека и гражданина. Но это не более, чем красивый фасад. На деле политическое, государственно-властное регулирование общественных отношений здесь существенно преобладает над правовым. Разумеется, в отличие от диктаторских режимов, политическая деятельность при демократии вроде бы ограничивается правовыми рамками и внешне протекает в правовых формах. Однако сразу становится понятно «кто есть кто», как только мы переносим на почву демократической системы хрестоматийную проблему яйца и курицы. Демократическое государство решает его однозначно: только оно является суверенным субъектом правотворчества. Бюрократическим идеологам нет дела до объективной природы права, они навсегда заражены пресловутой советской концепцией, согласно которой ни одна правовая норма не появляется на свет и не подлежит применению без соответствующего государственно-властного веления.

При этом государство может в большей или меньшей степени учесть интересы общества, его отдельных страт и личностей. Однако исключительно за собой оно оставляет монополию на правовое регулирование. Стоит ли тогда удивляться, что демократическое государство и бюрократия как его истинный

хозяин не спешат уподобляться гоголевской унтер-офицерской вдове и налагать на себя реальные либеральные ограничения. Идеологически государственный контроль над правотворчеством обрамляется фактическим сведением права к законам и подзаконным актам, издаваемым государственной властью.

Но даже те правовые нормы, которые демократическое государство вынуждено под давлением либерального общественного мнения (в том числе международного) санкционировать, попираются носителями власти и участниками борьбы за нее, как только они вступают в противоречие с политической целесообразностью. Приходится признать, что ни одна политическая партия в условиях демократии не откажется не то что от власти, но от маломальских политических выгод ради «иллюзорного» следования правовым принципам. Она в лучшем случае лишь прибегнет к их толкованию таким образом, чтобы обосновать свои неправомерные по сути действия. Вроде бы давно доказано, что неправые средства делают неправой саму цель. Но этот постулат не может остановить тех, кто считает именно власть наивысшей ценностью. Демократический режим быстро воспитывает в них умение найти божественное оправдание самой кощунственной дьяволиаде.

Еще легче и цинично откровеннее игнорирует правовые установления бюрократический класс, приватизировавший государство. Его корыстный политический интерес пробивает нагромождение парламентских процедур и процессуальных форм. Бюрократия успешно овладевает искусством манипулирования правовыми нормами, что ничуть не более трудно, чем манипулирование общественным сознанием - традиционное и испытанное бюрократическое оружие.

В условиях же либерального типа социального регулирования государство перестает считаться субъектом правотворчества, непременным автором правовых положений. Наоборот, оно воспринимается общественным сознанием как институт, полностью зависящий от права, служащего естественным и наиболее сбалансированным регулятором общественных отношений. Связанность правом настолько важная характеристика постдемократической государственности, что именно этот термин используется при обозначении его самой существенной черты.

Для представителя демократической государственной власти правовые нормы служат в лучшем случае рамками, формами или средствами его деятельности. Их соблюдение может быть для него докучливым или не очень. Но такой государственный деятель не видит в реализации правовых принципов социального назначения своих функций, приоритетных целей. Демократическая власть выводит целеполагание за пределы права. Чтобы убедиться в этом, попробуйте объяснить современному российскому чиновнику, что его сверхзадачей является обеспечение гражданских прав и свобод, как это, кстати, прямо следует из нашей Конституции и непосредственно сформулировано в Федеральном законе «Об основах государственной службы в Российской Федерации».

Историческое и аксиологическое оправдание правового государства состоит как раз в том, что оно не имеет никаких других целей, кроме практического осуществления правовых начал, ценностей и норм. Лишь постольку, поскольку общество не может обойтись для обеспечения свободы, безопасности и достоинства каждой личности без властно-принудительных механизмов, оно использует государственный аппарат, в полной мере осознавая, что при этом имеет дело с источником повышенной опасности. Государство здесь вообще отстранено от целеполагания, ему надлежит лишь строго исполнять согласованную общественную волю, выраженную в праве [73].

22

Государства тоталитарные, деспотические являются своего рода политическими

монолитами. Власть в них предельно централизована и сконцентрирована. Демократическая революция приводит к важнейшему завоеванию цивилизации - разделению властей на законодательную, исполнительную и судебную. И вместе с тем демократическое государство продолжает оставаться единым целым. Ему объективно присуща тенденция «стягивания» властных функций к исполнительно-распорядительным органам. Да и для общественного сознания демократическая государственная власть - это в первую очередь президент, правительство, может быть, еще - губернатор. Но уж никак не парламент и даже не суд. От последнего в лучшем случае ждут лишь разрешения конкретного гражданского или уголовного дела. От первого вообще не ждут ничего, кроме пустой говорильни. Тогда как исполнительную власть, конечно, поругивают, но именно от нее с терпением, достойным лучшего применения, ожидают улучшения своей жизни или, по крайней мере, ухудшения соседской.

Оставаясь внутренне целостным, обеспечивая фактическое верховенство исполнительной власти, демократическое государство сохраняет условия для существования и процветания бюрократии, которая открыто, на законодательной основе оформляется в отдельную страту, наделяет себя многочисленными льготами и привилегиями. Благо, что, как мы поговаривали в детстве, «своя рука - владыка». Принадлежность к классу бюрократии, вхождение в номенклатуру, статус государственного служащего становится несравненно важнее профессиональной специализации и квалификации. Поэтому бывший губернатор может быть спокойно «брошен» на рыбную промышленность, инженер-оборонщик - назначен министром внутренних дел, проигравший на очередных выборах депутат - пристроен в президентский аппарат, а на дипломатическую работу - направлен вообще любой отставной чиновник. Тем самым продолжаются самые худшие традиции предшествующих демократии политических режимов. Хуже того, в советские времена закрытые распределители не афишировались, тогда как сегодня российское чиновничество и «примкнувшие к ним» парламентарии жируют совершенно откровенно.

В правовом государстве не только реально обеспечивается разделение властей, последовательно проводится деконцентрация государственно-властных функций. Государственность лишается естественного центра в лице исполнительной власти. Правовое государство - это уже не единая машина, а, скорее, комплекс агрегатов, каждый из которых несет самостоятельную нагрузку безотносительно к функционированию других. Отраслевой метод государственного управления оттесняется на периферию, доминировать начинает программно-проектный подход, когда государственный управленец нанимается строго для осуществления социально значимой задачи и прекращает полномочия сразу же после ее выполнения.

Важнейшим последствием деконцентрации государственных функций является дебюрократизация, фактическая ликвидация бюрократии как класса, обособленной группы со своими интересами. Она прекращает существовать, как только теряет государство в качестве объекта своей собственности. Вхождение во власть перестает само по себе давать какие-либо льготы и преимущества. Государственная служба трансформируется в гражданскую, сливаясь со сферой общественного обслуживания. Принадлежность к когорте чиновничества прекращает быть индульгенцией и пропуском к государственным должностям. На первый план выходят профессиональные качества. Ценность исполнителя конкретных функций правового государства определяется не его приобщением к власти, а тем, что он - грамотный и честный следователь, прокурор, судья, военнослужащий, работник службы спасения и т.п. Правовое государство разрушает бюрократическую номенклатуру, возвращая государственной деятельности социальное содержание и профессиональный авторитет.

Глава 7. Закон и договор

Закон имеет дурное происхождение от греха,
он изобличает грех, различает и судит,
но бессилен победить грех и зло.

Николай Бердяев [74]

Можно всю жизнь руководствоваться одним словом.
Это слово - взаимность.

Конфуций [75]

23

Одним из наиболее значительных результатов демократической революции является закрепление верховенства законов в системе актов нормативного регулирования общественных отношений. Взлелеянный идеями знаменитого «Духа законов» Монтескье, этот принцип не только сыграл свою роль в сломе авторитарных и утверждении демократических институтов, но и способствовал либерализации общественного сознания.

Закон как инструмент социального регулирования намного выше распоряжений, приказов и команд. Причем не только в силу большего демократизма процедуры его принятия и обще нормативного характера. В известной мере закон смягчает противоречие между властью и свободой. С точки зрения глубинных пластов человеческой психологии, требующей равенства людей, самая лучшая власть - обезличенная. Законодательное регулирование деперсонализирует источник власти. В определенном смысле подчинение юридическим законам сродни подчинению законам природы, с которым смиряются самые свободолюбивые натуры.

И вместе с тем прав был В.И. Ленин: по сути своей закон есть мера политическая [76]. Законодательство может отражать объективные правовые закономерности. Однако само по себе оно в большей степени является политическим, государственно-властным, а не правовым продуктом.

В условиях народовластия закон призван выражать волю народа, то есть политически активного большинства населения страны. Формулирует и выражает эту волю избираемый представительный орган - парламент. Так что закон принимается именно парламентским большинством, что далеко не всегда совпадает с мнением и тем более, коренными интересами народа. При этом следует подчеркнуть, что парламентские отклонения от преобладающих в массах настроений далеко не всегда носят реакционный характер. К примеру, ответственные и просвещенные законодатели передовых европейских стран принимали гуманистические законы об отмене смертной казни вопреки позиции большинства своих избирателей. Но, так или иначе, с точки зрения методологии социального регулирования любой закон есть навязывание воли одной части общества другой, осуществляемое от имени государства и под страхом государственного принуждения.

Не приходится удивляться, что бюрократия, проявляющая чудеса живучести, всеми силами пытается поставить процесс законотворчества под свой контроль. Не будем сейчас подробно останавливаться на формах и методах бюрократической оккупации законодательной власти. Это, хотя и весьма любопытная, но отдельная тема, причем крайне болезненная для чести и достоинства, как народных избранников, так и их избирателей. Заметим лишь, что благодаря реальной опоре на административно-финансовые ресурсы бюрократия весьма преуспевает в своем влиянии на парламент и результаты его деятельности.

Разумеется, как уже отмечалось, сама бюрократия неоднородна и постоянно

находится в состоянии внутренней борьбы. Поэтому различные бюрократические группировки и кланы, включающие представителей примкнувших к ним финансово-промышленных групп, пытаются использовать законодательный орган для реализации собственных интересов и подавления конкурентов в своей среде. По иронии судьбы и логике политической борьбы это подчас приводит к вполне разумным либеральным законодательным инициативам со стороны исполнительной власти.

И все же верховенство закона не дает надежных гарантий от государственного произвола. Обществу остается уповать на мудрых и справедливых законодателей, однако избирают в парламент, как правило, отнюдь не лучших, а себе подобных. К тому же, пока власть не отделена от «кормушки» депутатское место более всего привлекательно для тех, кто использует его в целях повышения благосостояния в отдельно взятой семье, что буквально по-мефистофельски поощряется бюрократией. Так что свобода и социальная справедливость не могут зависеть исключительно от субъективных факторов. Они нуждаются в гораздо более внушительном и устойчивом обеспечении, застрахованном от прихотей, капризов и слабостей людей, попавших в сладкие жернова власти.

24

Существует еще один порок законодательного регулирования. Он состоит в том, что для реализации закона, как правило, требуется его применение исполнительно-распорядительными органами и их должностными лицами. Можно законодательно закрепить любое право человека, но на практике оно никогда не будет использовано, пока его, как минимум, не подтвердит та или иная бюрократическая структура. Закон самого что ни на есть прямого действия в условиях демократии непременно опосредуется различными распределительными, разрешительными, регистрационными процедурами, которыми ведают бесчисленные отряды крупных чиновников и мелких клерков. Таким образом, воздвигается многоэтажное здание патерналистской государственности, оставляющее для свободного существования личности и общества разве что неудобный первый этаж да еще подвальное помещение.

Впрочем, и из этих помещений человека могут довольно легко «выселить», поскольку органы исполнительной власти и их должностные лица не лишены при демократии полномочий по ограничению прав граждан, применению к ним определенных принудительных мер. Прогресс здесь состоит в том, что наиболее суровые карательные меры подлежат применению лишь судом, да и любое действие государственного органа или чиновника может быть обжаловано в судебном порядке. Правда, остается уповать, что судебная власть достаточно сильна, независима и свободна от бюрократического влияния, что в полной мере не достигается даже на высших стадиях развития демократии. Но дело даже не в этом. Принципиально порочна и антилиберальна система, где в суд вынуждены обращаться граждане, а не органы исполнительной власти.

В законодательном регулировании воплощаются все основные противоречия демократического типа организации государственной и общественной жизни. Можно сказать, что принимаемый демократическим путем законодательный акт есть своего рода переходная форма от политических регуляторов к правовым. Закон уже ограничивает власть, но еще не гарантирует свободу. Он может быть продуктом общественного консенсуса, а может обернуться и оболочкой бюрократического произвола. Подробное законодательное регламентирование прогрессивно, поскольку сужает сферу нормотворчества и правоприменения органов исполнительной власти, однако оно же в другом отношении лимитирует возможности свободного выбора вариантов поведения людей и саморегулирования, что блокирует их социальную и духовную активность.

25

В свете сказанного не случайно в правоведении и политологии в конце концов восторжествовала теория несводимости права к законодательству. Будучи проявлением политизации правовой сферы, закон не может рассматриваться в качестве имманентной правовой категории. Несравненно большее основание претендовать на эту роль имеет *договор*, выражающий сущность правового метода социального регулирования.

Понятие договора, думается, имеет такое же значение для правоведения, что и категория товара для экономической науки. Договор выступает в качестве универсального и наиболее эффективного средства регулирования отношений между равноправными и самостоятельными субъектами, согласованно определяющими взаимные права и обязанности. В договоре происходит, пользуясь гегелевской терминологией, снятие противоречия между властью и свободой. «Власть договора» так же обезличена, как и «власть закона», но вместе с тем участник договорного отношения находит в нем продукт своей свободной воли, способ реализации своего интереса.

Чем выше развито право, тем значимее в его инструментарии роль договора. Это особенно наглядно проявляется в праве международном, основным источником которого как раз и является договор. В отличие от закона как властно-принудительной формы, природа договора заключается в добровольности принятия на себя и исполнения обязательств. Конечно, конкретный закон может быть вполне разумным и либеральным, а отдельный договор - лукавым и кабальным. Однако в таких случаях речь должна идти о противоправном извращении природы договорного регулирования.

Демократический режим официально признает частноправовую сферу, опирающуюся на договорное регулирование и свободную от прямого государственно-властного вмешательства. Этого требуют и объективные закономерности развития рыночной экономики, и интересы набирающих силу социальных групп, пользующихся плодами экономической свободы. Вместе с тем «правила игры» здесь таковы, что освоение частноправового пространства достигается главным образом посредством борьбы за публичную и теневую власть, влияния на правительство, принятие либеральных законов. Иначе и не может быть, поскольку в условиях демократии договор производен от закона, он не имеет юридической силы без законодательных оснований. Конечно, гражданское законодательство демократического государства наиболее либерально по сравнению с иными отраслями. Но соотношение закона и договора от этого не меняется: гражданский договор имеет право на существование лишь постольку и настолько, поскольку и насколько он соответствует положениям гражданского кодекса [77]. Не говоря уже о том, что за пределы непосредственного предмета партикулярного законодательства договор как социальный регулятор вообще не допускается, несмотря на лукавые рассуждения придворных бюрократических идеологов о равноправных, партнерских отношениях демократического государства и личности. Ничего удивительного: верховенство закона над договором служит проявлением первенства политики перед правом, государства перед обществом и власти перед свободой.

26

Постдемократическая метаэволюция меняет соотношение между законом и договором. Причем не только в количественных параметрах - увеличении удельного веса договорного регулирования. Происходит качественное преображение всей политической и правовой систем.

Прежде всего, сами законы перестают быть актами государственной воли. Принимающий их парламент отделяется от государства и становится преимущественно общественным учреждением. Сфера властного (а следовательно, и законодательного) регулирования существенно сужается, поскольку либеральное общество избавляется от законодательного фетишизма и

твердо исходит из понимания того, что нормативные пробелы намного лучше избыточного бюрократического регулирования. Законов нужно уже совсем немного, резко возрастает потребность в их стабильности.

Все эти условия позволяют существенно изменить характер законодательного процесса, который все больше приближается к консенсусной, договорной процедуре. Всеобщая информатизация и качественно иной уровень правовой культуры общества позволят приблизить мечту многих прогрессивных мыслителей и деятелей. Лучше всего она, на мой взгляд, выражена русским философом и публицистом XIX века П.Л. Лавровым: «Очевидно, что идеал государственного строя есть такое общество, в котором все члены смотрят на закон как на взаимный договор, сознательно принятый всеми, допускающий изменение по общему согласию договаривающихся и принудительный лишь для тех, которые на него согласились, именно потому, что они на него согласились и за нарушение подлежат неустойке» [78].

Некоторые элементы ее в зачаточном виде просматриваются уже теперь. Они заложены в самой природе парламентаризма, предполагающего публичные слушания законопроекта, консультации и соглашения между парламентскими фракциями, право «вето» верхней палаты парламента и главы государства, особый порядок принятия наиболее важных законов (в России - конституционных, которые должны быть одобрены двумя третями депутатов Государственной Думы и тремя четвертями членов Совета Федерации), всенародное обсуждение законопроектов, имеющих особую значимость. Сейчас невозможно предсказать конкретные постдемократические процедуры принятия законов. Они будут выработаны в ходе исторической практики. Но одно можно утверждать с достаточной долей уверенности: эти законы будут появляться на свет не как акты отчужденной от общества и личности государственной воли, а как результат многостороннего общественного договора.

Меняется и направленность законодательного регулирования. В патерналистских политических системах законодатель пытается достаточно подробно регламентировать жизнь граждан. Декларируя различные права и свободы, он не скупится и на разнообразные обязанности, особенно перед государством. Что же касается деятельности государственных органов, то в ее регулировании зачастую остаются зияющие пустоты, пробелы и противоречия. Контролируемому бюрократией государству воистину тесно в рамках демократической законности. Правовое государство, напротив, буквально сковано по рукам и ногам законодательными нормами, процедурами, ограничениями. Ни один шаг, ни одного движения не может совершить представитель такого государства, если они не предусмотрены законом, который в свою очередь подчинен исключительно целям общественной безопасности и свободы каждой личности. Применительно к государственным органам и их должностным лицам в постдемократической правовой системе неукоснительно соблюдается принцип: дозволено только то, что прямо разрешено, а разрешено лишь то, что предписано законом в силу общественной необходимости и ради обеспечения гуманистических ценностей.

Естественно, что либеральное общество не только формально поддерживает, но и последовательно проводит в жизнь обратное правило регулирования поведения индивидов и их добровольных объединений: дозволено все, что прямо не запрещено договором или законом. При этом предельно минимизируются общеобязательные запреты, имеющие социально-правовое оправдание лишь в необходимости охраны свободы, достоинства, безопасности каждого человека и институтов, обеспечивающих эти важнейшие ценности.

Можно сказать, что применительно к гражданам законы издаются и действуют главным образом ради установления запретов, ограждающих общество и личность от социальных отклонений. Что же касается позитивных обязанностей, связанных с требованием совершения определенных действий, то они, за редкими исключениями, будут возникать у человека лишь на основании

его добровольного волеизъявления, то есть вследствие совершения договора, и поддерживаться силой нравственных традиций и привычек. По существу член либерального социума несет лишь две «внешние» для него базовые обязанности: не нарушать чужих прав, которыми обладает он сам, и уплачивать налоги для обеспечения общественных нужд. Эти два долга подавляющим большинством людей будут не только исполняться сознательно, но и восприниматься как добровольные, поскольку имеют либеральные основания и обще социальное, гуманистическое назначение.

Постепенное преобладание договорного порядка регулирования межличностных и общественных отношений сопровождается соответствующими трансформациями в массовом сознании. Меняются представления о силе и слабости. До сих пор в мышлении большинства людей сила человека, организации или государства связывается со способностью навязать свою волю другим субъектам, не остановиться ни перед какими, в том числе насильственными, средствами достижения своих целей. Формирование постзападной цивилизация приведет к совершенно иному пониманию: отпор насильникам всех мастей, конечно, должен быть адекватным и эффективным, но все же сила - это в первую очередь умение договариваться, найти баланс интересов, избежать насилия при разрешении конфликта. Одновременно нарушение договора будет нравственно осуждаемо несравненно больше, чем сейчас, когда стремление «кинуть» партнера ради своей выгоды выглядит вполне обычным делом в бюрократических и предпринимательских кругах.

ЧАСТЬ III. ТРУДНЫЕ ПУТИ К СВОБОДЕ

С тех пор все тянутся передо мной
глухие кривые окольные тропы…

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий [79]

Будущее за вехой, пророчащей забвение крови и нации,
солидарность рода человеческого.

Хорхе Луис Борхес *80*

Метаэволюционный переход из царства власти в царство свободы происходит через вызревание в недрах демократической системы и реализацию глубинных взаимосвязанных процессов. Развитая демократия беременна противоречиями, прогрессивное разрешение которых, довольно длительное и весьма болезненное для многих людей и институтов, приводит к качественно иному общественному и политическому устройству. Под воздействием объективных, естественно-исторических закономерностей, пробивающих себе дорогу посредством сознательной деятельности отдельных индивидов и человеческих масс, взаимосвязанным изменениям подвергаются все основные «игроки» на цивилизационном «поле». Основными тенденциями, характеризующими эти процессы, являются: социализация личности, либерализация общества и обобществление государства.

Глава 8. Социализация личности

Здесь на земле, от нежности до умоисступленья
все формы жизни есть приспособленье.

Иосиф Бродский [81]

Я согласен бегать в табуне,
но не под седлом и без узды.

Владимир Высоцкий [82]

27

Практически все исследователи феномена человеческой свободы отмечают два ее аспекта: негативный и позитивный. В первом значении она выступает как возможность самостоятельного выбора вариантов действий, не ограниченную никем другим. Это свобода от принуждения и любого иного внешнего воздействия. Позитивный аспект личной свободы состоит в отражении ее взаимосвязи с социальными условиями жизнедеятельности индивида, общественными отношениями, продуктом, участником и творцом которых он является. Это свобода для разумного и ответственного поведения, направленного на реализацию его человеческой сущности, осуществление потребностей, интересов, духовных устремлений в окружающей социальной среде.

Оба аспекта свободы невозможно разорвать без ущерба для истины. Только их синтез наиболее глубоко характеризует сущность свободы и диалектику ее развития, хотя тот или иной ее ракурс может выходить на первый план в исследовательских или политических целях. Великие просветители XVII-XVIII веков акцентировали внимание на негативной стороне свободы, противопоставляя его государственному произволу и насилию. Их либеральные идеи оплодотворили буржуазно-демократические революции в Европе. Развитие капиталистических отношений и формирование демократических институтов вызвали к жизни либерализм как систему политических и правовых взглядов, которая получила яркое воплощение в работах Дж. Ст. Милля, А. Токвиля, А. Смита, Э. Берка и других.

Однако следующее поколение либералов уже пережило кризис своей доктрины, поскольку реальная практика демократических государств и партий, приходящих к власти на волне либеральной идеологии, во многом пошла вразрез с идеалами свободы. Ранний либерализм был настолько сильным, чтобы стать духовной опорой революционных масс, но он оказался беспомощным перед победившим, но еще не готовым к свободе народом и мимикрировавшей в демократические формы бюрократической властью. Двадцатый век явил миру чудовищные тоталитарные режимы, отмеченные беспрецедентным размахом государственного насилия и глубочайшим проникновением в массовое сознание психологии государственного патернализма. Идеологическим ответом на тоталитарный штурм стала новая волна либерализма, отстоявшего и обогатившего «негативные» аспекты свободы как защиты от государственного произвола. Лучшие его образцы, с моей точки зрения, представлены в работах Б. Рассела, К. Поппера, Ф.А. Хайека, Л. Мизеса, Р. Арона, Х. Арендт, Э. Фаге, Д. Дьюи, Г. Де Руджеро, Р.А. Даля, М. Крозье и других философов, социологов, политологов и правоведов либерального толка.

Что касается позитивной стороны свободы, то она получила, пожалуй, наиболее глубокое воплощение в немецкой классической философии. И. Кант обосновал свободу как подчинение моральному императиву, одухотворяющему человеческий опыт. Гегель развил кантовские идеи, показав органическое развитие свободы, совпадающее с организацией человеческого общества в его восхождении ко все более высоким формам. Увы, это великое теоретическое изыскание завершилось пошлым и далеким от мощной гегелевской методологии выводом, возводящим на вершину осуществления свободы государство прусского образца. Впрочем, так бывает со всеми теориями, которые претендуют на законченность объяснения предмета исследования или пытаются приспособить научное знание к политической конъюнктуре.

Тем не менее, гегелевская философия свободы дала сильнейший импульс социальному подходу к ее пониманию, важным этапом использования которого стал марксизм. Нельзя не отдать должное мыслителям, способным

диалектически соединить тезис о свободе как познанной необходимости, способности принимать решения со знанием дела, с обоснованным утверждением о том, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Однако та же роковая тяга к завершенности теоретического построения и горячее желание прямолинейно экстраполировать его на текущие социально-политические процессы сыграла злую шутку уже не только с классиками марксизма-ленинизма, но со всем человечеством, некритически воспринявшим идею о скачке из царства необходимости в царство свободы посредством беспощадного революционного насилия и кровавой диктатуры.

Закономерным духовным ответом не только на исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, но и на социологический позитивизм О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Тарда стала философия экзистенциализма, попытавшаяся возвратить свободе индивидуально-человеческое и одновременно божественное начало. Можно по-разному относиться к взглядам С. Кьеркегора, К. Ясперса, А. Камю, Ж-П. Сартра, Ф. Хайдеггера и других философов, олицетворяющих это направление (не забудем среди них и нашего выдающегося соотечественника Н.А. Бердяева), но нельзя не признать великой заслуги экзистенциализма в том, что он разорвал рамки социальной обыденности, углубил понимание психологических аспектов свободы, органично связал ее с творческой силой и нравственной жизнью личности.

Особое место в системе взглядов на соотношение свободы и власти принадлежит анархизму, яркими представителями которого были П.А. Кропоткин и М.А. Бакунин. С точки зрения анархизма при идеальном общественном строе исчезает всякая власть человека над человеком и все люди являются равно свободными. Лишь добровольное соглашение отдельных лиц, соединяющих их ради достижения какой-либо общей цели, может быть основанием для их совместной жизни и деятельности. Анархизм нередко ошибочно отождествляют с анархией, приписывая ему все ужасы массовых беспорядков, порождаемых последней. Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «Анархизм противоположен не порядку, ладу, гармонии, а власти, насилию… Анархия есть хаос, дисгармония, т.е. уродство. Анархизм есть идеал свободной, изнутри определяемой гармонии… За насильническим, деспотическим государством обычно скрыта внутренняя анархия и дисгармония. Принципиально, духовно обоснованный анархизм соединим с познанием функционального значения государства, с необходимостью государственных функций, но не соединим с верховенством государства, с его абсолютизацией, с его посягательством на духовную свободу человека, с его волей к могуществу»[83]. Нетрудно заметить, что при такой трактовке анархизм выглядит «родным братом» либерализма. Так оно есть. Можно утверждать, что анархизм представляет собой либерализм, очищенный от реальности. Он формулирует тот идеал, к которому, несомненно, нужно стремиться либеральному движению. Однако учение анархизма мало пригодно для повседневной политической борьбы за права и свободы личности.

Несмотря на различные либеральные изыскания, элитарное и тем более массовое сознание надолго оказалось в плену патерналистских представлений, сказавшихся и на восприятии позитивной свободы. В наиболее откровенном виде она интерпретируется как необходимость соблюдения установленного государственного порядка, как ответственность перед властью и ее институтами. Толща этих взглядов настолько глубока, что ее пласты зачастую оказываются непосильными для либерального бурения.

28

Как свидетельствует история, никто больше не компрометировал либерализм как социально обоснованную апологетику свободы, чем сами партийно-политические либералы. С одной стороны, своей непоследовательностью, чрезмерной гибкостью позвоночника, склонностью к неоправданным компромиссам с бюрократией, предательскими уступками воинствующей

национально-патриотической, имперской идеологии. С другой - догматизмом и схематичностью абстрактных построений, резко отстающих от быстро меняющейся жизни, а также поразительным равнодушием к проблемам и нуждам реальных людей. Вместе с тем дискредитации либеральных ценностей активно содействовали государственники всех мастей - от вульгарных социалистов до империалистических шовинистов. Их стараниями свобода предстает как антипод порядка, организованности и социальной справедливости; стремление к ней опошляется сведением к крайним формам индивидуализма и эгоизма. Либерализм клеймится как прибежище антинародных, антисоциальных и антипатриотических сил.

Причем такое отношение характерно не только для тоталитарного строя, в «новоязе» которого для категории свободы находятся лишь такие эпитеты как «чуждая», «лживая», «разгулявшаяся» или «необузданная». Демократическое государство и его бюрократические хозяева так же весьма охотно направляют контролируемую ими «свободу слова» против либеральных ценностей, идей и их пропагандистов. Анализируя политическую публицистику современной России, нельзя не обратить внимания на неприкрытую, почти утробную ненависть к теоретическому и практическому свободомыслию, демонстрируемую не только «левыми» и «центристами», но и «ультраправыми» приверженцами усиления государства за счет личности и общества. Эта враждебность вполне закономерна, поскольку выражает фундаментальное, доходящее до антагонизма, противоречие между властью и свободой. Воистину скорее « пролезет сквозь игольное ушко верблюд», договорятся между собой экономические конкуренты и политические противники, даже бедный полюбит богатого, чем примирятся между собой «властофилия» и свободолюбие.

Открытый, сознательный антилиберализм понятен. Сложнее понять людей, искренне пытающихся соединить свободу с национально-государственным патернализмом. Они, по всей видимости, не догадываются, куда неумолимо приведет их объективная политическая логика. Послушаем весьма характерное высказывание: «… Если свобода должна быть атрибутом живущего человека, а не абстрактной фикцией, выдуманной индивидуалистическим либерализмом, то мы выступаем за свободу, за единственную свободу, имеющую ценность - свободу Государства и индивида в Государстве». Эти слова принадлежат Бенито Муссолини и относятся к обоснованию идеологии фашизма [84]. Вот какая компания поджидает ревнителей тезиса о том, что государство - «друг человека».

Либеральная интерпретация позитивной стороны свободы не допускает разрыва с ее негативным аспектом. Только их синтез дает целостное представление о приобретении, развитии и реализации индивидуальной свободы. Его можно определить как *социализацию личности*, выступающую базовым условием и направлением постдемократической метаэволюции. Термин избран не случайно, ибо свобода, как и все в мире, не существует в вакууме. Она совсем не исключает зависимости. Однако не от государственной власти, а от общества: социальных условий, норм, стандартов, ценностей, интересов. Социализация личности противостоит и тоталитарному единообразию, и изоляционистской робинзонаде. Она представляет собой одновременно и освобождение (внешнее и внутреннее) человека от авторитарного влияния, и его органичную включенность в процессы равноправного социального взаимодействия в роли полноценного и самобытного субъекта.

Путь к свободе пролегает через преодоление в практической деятельности и человеческих душах пиетета к властным, государственно-патерналистским формам организации общественной жизни. Но он не может простираться мимо самой этой жизни. Состояние свободы возможно лишь в социальной среде и благодаря ей. Нельзя стать свободным в одиночку. Можно лишь вместе и наравне с другими. В отличие от произвола, индивидуальные свободы отдельных субъектов достижимы лишь при их общей сбалансированности. Таким образом, подлинная свобода отнюдь не выступает полярной

противоположностью социальной справедливости, призванной выражать гармонию общественных, групповых и личных интересов, но находит в ней условия и гарантии для реализации.

Социализирующаяся личность постепенно перестает быть «винтиком» и «колесиком» государственного механизма и, что не менее важно, осознавать себя в этом качестве. Такой человек учится и привыкает жить вне государственного патронажа. В то же время в нем развивается чувство морального долга, социальной ответственности, адекватной его месту и роли в системе общественных и межличностных отношений. Замечу, что процесс этот сложен, противоречив и очень болезнен для людей, воспитанных патерналистскими системами. По меткой характеристике Гвидо Де Руджеро, «свобода лишает человека удобной опоры в виде навязанных извне готовых решений, избавляющих его от мук борьбы с самим собой; она оставляет его один на один с собственным сознанием, отягощенным не разделенной ни с кем ответственностью за последствия его же поступков, которые не скроет никакой авторитет.» [85] В связи с этим понятно, почему при всей остроте внешнего, бюрократического противодействия либерализации общества и социализации личности, они ни в какое сравнение не идут с внутренним сопротивлением этим процессам в общественном сознании и индивидуальной психике, генетически исковерканными тысячами лет рабского существования. Глубоко прав Е. Шварц: самое трудное - убить «дракона» в себе. Однако другого не тупикового пути у человечества, к счастью, все же нет.

29

Социализацию нельзя упрощенно и односторонне рассматривать как подчинение индивидуальных форм жизнедеятельности коллективным, а личных интересов общественным или групповым. Грубое следование такому пониманию, оторванному от необходимых цивилизационных предпосылок, означает примитивную коллективизацию, вульгарное обобществление, ведущее к атомизации и распаду социальных структур. Фетишизация суррогатов коллективности на практике загоняет людей в коммунальные квартиры, казармы, а то и в общие камеры. Когда любая особенность и индивидуальность приносятся в жертву мнимой всеобщности, на самом деле происходит порабощение личности властью, узурпированной правящей элитой. Едко и точно по этому поводу у И. Губермана:

«Не верю в разум коллективный
с его соборной головой,
в ней правит бал дурак активный
или мерзавец волевой» [86].

Социализация представляет собой двуединый процесс формирования личности и как индивидуального, самостоятельного, и как общественного, ассоциированного существа. Подобно любой другой сложной философской категории, ее нельзя вместить в емкую дефиницию без ущерба для глубины и содержательности. Поэтому предлагаю краткий анализ социализации личности посредством системы смежных понятий, каждое из которых помогает раскрыть какую-то ее грань.

Первое из них - *приспособление*. Социализируясь, индивид адаптируется, приспосабливается к окружающей общественной среде. Но не только и не столько в биологическом смысле, в значении выживания. В человеческом исполнении это не просто приспособление *себя* к внешним условиям, но и их приспособление *к себе* и *для себя*. Преобразовательная активность личности направлена на обеспечение собственного соответствия постоянно усложняющемуся миру и на использование социальных возможностей для

своего существования и развития.

Социализацию можно охарактеризовать и как *присвоение*. В широком философском смысле оно означает преодоление отчуждения личности от общественных отношений. Это включает в себя: вовлеченность человека в социальные процессы в качестве не объекта, а субъекта; овладение прогрессивными формами экономической и культурной жизнедеятельности; приобщение к функционирующим в обществе ценностям и институтам; приобретение и отправление разнообразных социальных ролей; свободное присоединение к различным коллективным образованиям и ассоциациям.

Социализация личности предполагает ее *самореализацию*: воплощение в жизнь навыков, умений, знаний, сил и способностей. Согласно Н.А. Бердяеву, личность есть задание для природного индивида [87]. Личностный потенциал заложен в каждом из нас, но человек должен проделать нелегкую работу для его практического осуществления. Это работа ведет к освобождению творческого начала, одухотворяя и профессиональный труд, и разнообразные человеческие игры, и межличностные отношения. Творческая активность имеет комбинированную природу и объективно нацелена на реализацию в соответствующей общественной среде. Творчество - это огонь души, вспыхивающий от искры Божьей и разгорающийся на социальном ветру. Часто такой огонь сжигает человека, но он же освещает и согревает общественное здание.

Социализация означает также *ответственность*, понимаемую не как внешнюю необходимость, а как внутреннюю потребность. Свободная социализированная личность ощущает свою сопричастность с общественной жизнью, естественно связывает свою судьбу с судьбами мира и других людей. По-настоящему ответственный социальный субъект очень критично и разборчиво относится к предъявляемым ему нормативным требованиям. Только солидарность с ними, гарантированность добровольности принятия на себя и исполнения социальных обязанностей обеспечивают гармонию долга и самостоятельности, общественного ожидания и личного интереса.

30

Социализация личности имеет своего рода три уровня. На первом, наиболее примитивном уровне индивид осознает окружающую социальную среду только как источник и сферу удовлетворения своих потребностей и интересов. Этот утилитарно-эгоистический этап проходит в своем развитии каждый человек в детстве и отрочестве. Многие, правда, задерживаются на нем до глубокой старости. Социальная ответственность воспринимаются здесь как искусственное обременение и докучливая нагрузка к жизненным благам и удовольствиям.

Второй уровень характеризуется более высокой степенью морально-психологической зрелости личности. На нем пассивный потребитель и равнодушный исполнитель сменяется активным деятелем, добивающимся *общественного признания* своих способностей, достоинств и достижений. Такой человек уже преодолевает утилитарно-гедонистическое отношение к общественным институтам, он видит в них объект и сферу реализации собственных таланта и энергии, для него значимой становится социальная оценка всего, что он делает. На данном уровне формируется позитивная мотивация исполнения обязанностей перед другими людьми, их объединениями и обществом в целом. Ее основу составляет стремление к повышению формального или неформального социального статуса, приобретение расположения влиятельных и авторитетных членов социума, достижение публичного успеха в конкретном деле и т.п. При всем том это еще не верхний этаж свободы, поскольку такая социализация достигается ценою следования существующим в обществе догмам и стереотипам. Находящийся на втором уровне субъект может быть не свободен от классовых, сословных или

национальных предрассудков, испытывать зависть к более богатым и преуспевающим, проявлять непонимание и нетерпимость ко всему новому, непривычному, оригинальному. Он пока не поднялся еще до осознания самоценности каждой личности. В погоне за внешними атрибутами жизненного успеха такой человек зачастую бывает заражен суетливым тщеславием. Проявляя чрезмерные притязания, он не учитывает, что, по словам Ф. Ларошфуко, «в людях смешны не столько те качества, которыми они обладают, сколько те, на которые они претендуют» [88]. На втором уровне социализации индивид обучается пользоваться предоставляемой ему свободой и даже бороться за нее, но еще не понимает ее глубинной сути и фундаментального значения.

Это понимание приходит лишь на третьем, высшем уровне социализации, когда человек по-настоящему достигает согласия с самим собой, максимально реализуя свою оригинальную индивидуальность и в то же время, демонстрируя высочайшую социальную ответственность. Уважение к себе, отношение к своей свободе и достоинству как наивысшим ценностям, неразрывно связано у него с аналогичным отношением к другим людям. Однако для него святы и незыблемы только либеральные ценности. Все остальные социальные нормы и предрассудки он подвергает сомнению и критическому осмыслению. Достигший третьей ступени социализации индивид наиболее общественно активен. Но его активность, во-первых, совершенно безопасна для свободы и достоинства иных членов общества, а во-вторых, лишена какой бы то ни было корыстной мотивации или мелко честолюбивой суетливости. Общественное и тем более, государственное признание играет весьма незначительную роль в целеполагании такого человека.

В крайнем варианте формальная государственная награда столь же оскорбительна для него, как и наказание, поскольку она так же выражает начала власти. Равных себе, как известно, не награждают. Рассказывают, что когда Шарля де Голля хотели наградить Орденом Почетного Легиона, он заявил: «Франция сама себя не награждает». В либеральном постдемократическом обществе люди будут без всякого самомнения считать себя равными государству и искренне произносить ту же фразу.

Несравненно большее значение для них приобретают сугубо гуманистические побуждения и цели: любовь, дружба, сочувствие, творчество. «Привести людей к свободе, - писал Карл Ясперс, - значит привести их в такое состояние, когда они в диалоге будут открываться друг перед другом» [89]. Социализированная личность представляет собой уже не просто активного участника общественных отношений, но свободного творца условий, ценностей и форм социальной жизни.

Глава 9. Либерализация общества

Каждый вправе искать своего счастья на том пути,
который ему самому представляется хорошим,
если только он этим не наносит ущерба свободе
других стремиться к подобной цели.

Иммануил Кант [90]

Главная сила либерализма - это сила справедливости
и престиж свободы.

Альбер Камю [91]

Ранее мы постарались показать наиболее существенные черты либерального общества, отличающие его от гражданского общества позднего периода государственно-патерналистской эры. Закономерный процесс преобразования второго в первое, протекающий во взаимной детерминации с личностной социализацией, логично обозначить термином «либерализация». Настоящая глава посвящена анализу основных проявлений этой исторической тенденции.

Начать его следует с определения предпосылок, базовых условий, создающих питательную почву для ростков свободолюбия и делающих движение к либеральному обществу необратимым. Эти условия нельзя считать некими внешними факторами. В известной мере они сами являются продуктами последовательной либерализации общественного сознания и социального образа жизни. Вместе с тем в полном соответствии с принципами диалектики они в свою очередь оказывают катализирующее воздействие на реакцию кристаллизации свободы в общественном организме.

В качестве важнейшей социально-экономической предпосылки либерализации гражданского общества можно назвать *преодоление бедности* как массового явления, как состояния уровня жизни значительной части людей. Бедность и тем более нищета постоянно маргинализируют, размывают социальную структуру. На формируемую ими среду, пропитанную завистью, агрессией, отчаянием, духовной опустошенностью, прекрасно ложатся идеи «твердой руки», «непримиримой борьбы с внутренними и внешними врагами», «экспроприации экспроприаторов», эскалации государственного насилия.

Сейчас эта проблема приобрела характер глобального фактора международной жизни. Социально-экономическая бездна, разделяющая сегодня обеспеченный «Север» и бедный «Юг», исторгает подлинных чудовищ: международный терроризм, религиозный фанатизм, политический экстремизм. При современном уровне научно-технического прогресса они способны поставить мир на грань всеобщей гибели человечества.

Западная цивилизация оказалась не готова к угрозам и вызовам нашего времени. В поисках спасения напуганное политическое сообщество бросается к старым способам: государственному насилию, ужесточению режима власти, стремлению изолировать «страны-изгои», обвиненные в нарушении правил международной безопасности. Не стоит себя обманывать: спрятаться от глобальных проблем не удастся. Обречена и ставка на силовые методы. Они не приведут ни к чему, кроме круговорота насилия, что в нынешней ситуации имеет лишь апокалиптические перспективы.

Пока все человечество не покончит с бедностью, оно будет находиться в плену примитивного этатизма и вульгарно-уравнительного понимания социальной справедливости, служащими мощными препятствиями на пути человечества к свободе. Сегодня нужна новая волна цивилизаторства. Но не в духе Колумба и Магеллана. Не огнем и мечом, а гуманистическим просвещением, подчеркнутым уважением к *чужой* жизни и ее стандартам, пусть непривычным, но не нарушающим либеральных ценностей. И все это - на базе магистрального курса на *социально-экономическое выравнивание*. Консолидация демократических стран должна преследовать цель не войны с другой, экономически отсталой цивилизацией, а мудрой и тактичной помощи, направленной на ликвидацию этой отсталости. Требуется своего рода новый, модернизированный «план Маршалла», реализация которого привела бы не только к экономическому подъему стран «третьего мира», но и способствовала либерализации и гуманизации царящих в них нравов. Мы либо всей планетой придем к постзападной цивилизации и либеральной постдемократии, либо глобальное противостояние приведет нас всех к трагическому финалу.

Преодоление бедности необходимо и в каждой отдельной стране. В мою задачу не входит исследование форм и методов обеспечения достойного уровня жизни всего населения, объединенного общей государственностью. Отмечу лишь его магистральное направление - курс на последовательную либерализацию

экономики, предполагающий минимальное вмешательство государства в бизнес, равноправную конкуренцию хозяйствующих субъектов, строго адресную социальную поддержку наименее защищенных групп населения, осуществляемую все больше через негосударственные институты. Здесь нетрудно проследить все ту же диалектическую взаимозависимость. Либерализация экономической и политической жизни ведет к сужению сферы бедности, что со своей стороны дает новый могучий импульс движения к либеральному обществу.

Резкое сокращение количества бедных людей, пополняющих так называемый «средний класс» способствует формированию еще одного необходимого условия общественной либерализации. Речь идет о сглаживании социально-экономического расслоения, обеспечении качественно иного, чем у истоков демократического строя, *социального равенства*. Достигается оно не искусственно-принудительным путем, не казарменно-коммунистической «уравниловкой» в нищете и бесправии, а естественным, ненасильственным образом. Конечно, и здесь люди продолжают различаться по уровню благосостояния. Абсолютное социальное равенство недостижимо. Но происходит самое главное: преодолеваются социально-классовые противоположности, ликвидируется пропасть между богатством и бедностью. Достаток и материальное преуспевание перестают связываться с социальным положением человека и все больше воспринимаются как результаты его трудовых достижений, профессиональной состоятельности и деловой активности.

Процесс естественного социального выравнивания, охватывающий как материально-практическую, так и морально-психологическую сферы, определяется не только успехами борьбы с бедностью, но и *преодолением культа богатства*. Коммунистические учения, как известно, решают эту проблему просто: ликвидацией частной собственности граждан и их объединений, что на практике ведет к установлению наиболее отвратительной и общественно опасной формы частной собственности - государственной и гораздо более острой социальной несправедливости. В либерализирующемся обществе, напротив, преобладает уважение к частной собственности, включаемой в число либеральных ценностей. Но оно постепенно освобождается от ее буржуазной или пролетарской фетишизации и не считает ее, подобно Л. Мизесу, самым главным требованием либерализма [92].

Собственность, богатство, денежное состояние перестают быть самоцелью, которой подчиняются все практические и духовные устремления человека. Они все больше начинают рассматриваться как средства обеспечения свободы, условия личностной самореализации. Однако для того, чтобы выполнять эту роль, собственность, как ни парадоксально, должна иметь не только нижнюю границу (проходящую, как правило, над чертой бедности), но и верхнюю. Не могу вновь не согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что освобождение состоит не в перераспределении собственности, а в том, «чтобы принципиально, духовно и нравственно отрицать абсолютное, неограниченное право собственности за каким бы то ни было субъектом» [93].

Не секрет, что большое богатство само приобретает власть над своим владельцем, начинает диктовать ему модели поведения, обременяет заботой о себе, то есть фактически делает его несвободным. Растет и социально-нравственная пропасть между крупными собственниками и остальными членами общества. Не случайно еще Макс Вебер пытался вывести идеальный тип капиталистического предпринимателя, которому «чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение почета» [94]. Любопытно, что исследования социально-психологической структуры современных западных стран выявляют в новом поколении буржуазии подобные черты. Эти крупные молодые бизнесмены разбогатели благодаря образованию и профессионализму и, будучи «практическими романтиками» начали искать пути примирения своего богатства с идеалами социальной

справедливости. Их отличает довольно скромный образ жизни, демократизм в общении, склонность к благотворительной деятельности. Примечательно, что благодаря указанным качествам новая элита вызывает меньше ненависти у других социальных слоев и не отвергается обществом [95].

В системе подлинно либеральных ценностных ориентацией господствует абсолютно спокойное, прагматичное отношение к институту собственности. Сохраняющиеся в уровне достатка и масштабах частной собственности различия могут быть значительными, но они не достигают размера классовых противоположностей. Стоящие на верхних и нижних ступенях благосостояния перестают в массе своей страдать коренными пороками предшествующей эпохи: первые - псевдоэлитарной кичливостью, вторые - агрессивной завистью.

32

Решительный прорыв в царство свободы невозможен без еще одного условия - появления в обществе *критической массы либерально мыслящих и действующих субъектов*, дорожащих свободой как главным благом. Такие люди рождаются во все времена, реализуя своей подвижнической деятельностью объективную либеральную тенденцию. Но только в условиях конкурентной рыночной экономики и демократической политической системы появляется возможность их формирования в качестве целого социального слоя. И здесь они пока еще остаются в меньшинстве. Однако своей социальной активностью, эвристическим характером мышления, подчеркнутым самоуважением, стремлением к независимым суждениям и поступкам, - короче, всем образом жизни эти люди, подчас сами того не сознавая, создают другую, прогрессивную систему ценностей, способствующую высвобождению из пут патерналистского общественного сознания имманентно присущего ему, но до сих пор подавлявшегося стихийного либерализма.

Еще одной предпосылкой для уверенной трансформации гражданского общества в либеральное служит образование *устойчивой миролюбивой внешнеполитической среды*. Пока существуют маломальские угрозы обороне и безопасности страны извне, не изжиты причины возникновения агрессивных войн и корни международного терроризма, идеи «сильного» государства, укрепления властных начал будут продолжать находить опору в умонастроениях многих людей и использоваться для наступления на права и свободы человека и гражданина. «Общество, которое сможет позволить индивидууму больше свободы, - писал Бертран Рассел, - должно быть сильным настолько, чтобы не бояться за свою самооборону, и умеренным настолько, чтобы удерживаться от трудных внешних завоеваний…» [96]. Устранение агрессивных авторитарных режимов в странах с деспотической политической наследственностью, установление твердых гарантий межнациональной безопасности на основе гуманистических международно-правовых принципов и норм - все это должно вести к демилитаризации экономики и массового сознания, оставляя в каждой стране важную роль за компактной, профессиональной, уважаемой и подконтрольной обществу армией, но выбивая почву из-под ног спекулирующей на военной проблематике бюрократии.

Среди других, наиболее важных условий либерализации общества можно выделить *всеобщую информатизацию и локализацию социальных отклонений.*

Первая тенденция связана с обеспечением каждому социальному субъекту открытого и дешевого доступа к мировому информационному пространству. Этот процесс происходит буквально на наших глазах, не только демонстрируя новый уровень человеческой культуры и тип социального взаимодействия, но и воздвигая непреодолимый барьер попыткам государственно-властного контроля над информационными потоками.

Локализация социальных отклонений (преступности, наркомании, алкоголизма и т.п.) означает сознательный и последовательный перенос центра тяжести в их

предупреждении с карательно-принудительных методов на профилактику, предполагающую рациональную деятельность по нейтрализации причин и условий общественно опасных явлений. На определенном этапе общество осмысливает всю пагубность необдуманной, несправедливой государственной жестокости, лишь разжигающей социальные страсти и кровожадные настроения в человеческих массах. Тогда оно останавливает круговорот насилия, жестко ограничивает пределы государственного принуждения в борьбе с социальными отклонениями и всерьез начинает заниматься очеловечиванием условий собственного существования. И эта деятельность рано или поздно приносит свои плоды. Социальные отклонения, увы, не исчезают вовсе, но их социальная база значительно сужается, локализуется. Здесь мы видим уже упоминавшийся двухсторонний эффект: только либеральная, гуманистическая правоохранительная политика способна обеспечить результативное предупреждение правонарушений, которое одновременно стимулирует дальнейшую либерализацию общественных отношений.

В связи с этим следует отметить распространенный бюрократический прием: обвинение авторов идей либерализации уголовной политики в потакании преступности, если вообще не в выполнении криминального заказа. Хотя этому обвинению на удивление легко верят, оно насквозь лживо. Подлинно либеральные меры никогда не ведут к росту преступности. В самом худшем случае они лишь выводят на поверхность криминальные проявления и тем самым, кстати, облегчают борьбу с ними. Между тем эффективность либерального подхода легко доказуема на примере борьбы с коррупцией. Давайте просто раз в пять сократим количество разрешительных, распределительных или регистрационных государственных функций и тем самым минимум раз в пять снизим масштаб взяточничества.

33

Таковы общие социально-экономические и политико-правовые основания становления либерального общества. Теперь попробуем раскрыть подробнее главные ее проявления, образующие те конкретные процессы, которые определяют и демонстрируют путь социума ко все большей реализации человеческой свободы.

В качестве первого из них назовем гуманизацию общества, в котором укореняется отношение к человеку как к высшей социальной ценности и цели общественного развития. Формально этот принцип декларируется в демократическом государстве. Однако до его проникновения в каждую клеточку общественного мозга, до привыкания к гуманистическим нормам жизни на уровне привычки или социального инстинкта - дистанция огромного размера, финиш которой знаменует формирование либеральной постзападной цивилизации.

Гуманизм либерального общества носит, прежде всего, охранительный характер, ограждая каждую личность от посягательств на жизнь, здоровье, неприкосновенность, свободу, достоинство и собственность. При этом гуманистическое общество обеспечивает как защиту человека от человека, так и защиту человека от государства, создавая условия для реального предупреждения властного произвола. Вместе с тем оно не допускает избыточного социального контроля, назойливой опеки, признавая суверенитет взглядов и интересов каждого индивида в сфере его жизнедеятельности. С точки зрения Ф.А. Хайека, самым точным словом, характеризующим либерализм, является «терпимость» [97]. Полагаю, что тот же термин можно с полным основанием применить для характеристики типичного отношения к чужому образу действий и мыслей в будущем либеральном обществе.

Гуманизм, безусловно, индивидуалистичен, но принципиально надклассов, межнационален и некорпоративен. Следование гуманистическим ценностям предполагает равную социально-правовую защиту всех людей, независимо от

их социального положения, национальной принадлежности, рода занятий, идейных убеждений и других социально-демографических особенностей. Гуманизм кончается там, где начинается селекция людей и целых социальных групп с точки зрения того, заслуживают ли они к себе гуманного отношения. На языке бюрократических ортодоксов такое понимание гуманизма именуется «абстрактным». Определение, по меньшей мере, странное, поскольку «конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразия» [98]. С этих позиций абстрактной является как раз узкоклассовая или иная односторонняя трактовка рассматриваемого принципа. Конкретный же гуманизм может быть только синтезом, сгустком общечеловеческих ценностей, в котором преодолена ограниченность представлений, априорно разделяющих людей на «своих» и «врагов».

В процессе постдемократической метаэволюции происходит неуклонная гуманизация экономических отношений. Человек и его разумные потребности, становясь главным объектом уже современной рыночной экономики, в будущем приобретают еще и значение основной цели и естественного ограничителя предпринимательских устремлений. Осуществляется постепенная социализация производительных сил, все больше работающих на мир, созидание и социальную защиту. Анализируя эту тенденцию, Джон Дьюи справедливо заметил: «Ранний либерализм рассматривал отдельное и взвешенное действие индивида как средство, а социальное благосостояние как цель. Мы должны перевернуть перспективу и увидеть в социализированной экономике средство, а в свободном индивидуальном развитии - цель» [99].

Гуманизация способствует культивированию в общественном сознании особо трепетного отношения к человеческому достоинству. Можно сказать, что достоинство личности являет собой моральную сторону свободы. Оно определяет меру самоуважения человека, соотнесенную не только с осознанием своей самобытности и самостоятельности, но также с глубинными нравственными представлениями о совести, долге, личной чести. Вот почему либеральное общество охраняет достоинство своих членов как одну из наивысших ценностей в полном согласии с поэтическими размышлениями Булата Окуджавы:

«Чувство собственного достоинства - вот загадочный инструмент:
созидается он столетьями, а утрачивается в момент…
Что б там тьма и зло ни пророчили, кроме этого ничего
не придумало человечество для спасения своего» [100].

Воцарившийся в либеральном обществе культ человеческого достоинства приводит к серьезным изменениям в уголовно-правовой политике. С одной стороны, посягательства на честь и достоинство будут относиться к категории особо тяжких преступлений. С другой - резко возрастет чувствительность морального осуждения как элемента уголовного наказания. На этом основании центр тяжести в уголовном преследовании лиц, совершивших преступление, будет переноситься с физического (изоляция от общества, имущественные взыскания, ограничения в правах) на психическое воздействие (гласное судебное разбирательство дела, общественное порицание совершенного деяния). Иными словами, наказание будет нацелено не на то, чтобы напугать или подавить личность (что зачастую приводит лишь к озлоблению и усилению ее асоциальности), а вызвать у правонарушителя чувство стыда - верного симптома нравственного выздоровления.

Гуманизация общественной жизни сопровождается процессом, который можно обозначить термином *«депатернализация»*. Речь идет о последовательном сужении сферы властно-принудительного, авторитарно-императивного регулирования общественных отношений. Естественно, одновременно и пропорционально расширяется область социального саморегулирования.

Прежде всего, депатернализация проявляется в избавлении общественного сознания от тяжких вериг государственного патернализма. Достигается это очень большой ценой и требует смены нескольких поколений, в генах которых прочно осели и страх перед властью, и вера в безграничные возможности государства, и привычка жить за государственный счет. Наблюдая сейчас государственническую эйфорию многих наших соотечественников, персонифицированную по давней российской традиции, поневоле приходишь к выводу: вера в государственную власть не просто сакральна, она является гораздо более стойкой, чем любой ее религиозный аналог; надежда на государство - как раз из разряда тех, что умирают последними; любовь же к нему дает высшие образцы мазохизма. И все же стремление к свободе неодолимо. Рано или поздно государство лишается «одушевленности» и занимает подобающее ему место, строго приспособленное для обслуживания общественных и личных нужд. Патерналистское, «сыновнее» отношение к правовому государству будет достаточно редким, довольно смешным и нелепым в глазах подавляющего большинства членов либерального общества.

Депатернализация означает также устранение или по крайней мере смягчение негосударственных властных форм. Регулирование отношений в семье, образовательном учреждении, трудовом коллективе, общественном объединении, других социальных ячейках все больше начинает строиться на началах взаимного уважения, согласования интересов, недопустимости принуждения и унижения личного достоинства. Особенно нетерпимыми становятся нарушения личных прав детей. На переходных стадиях, разумеется, не исключены различного рода эксцессы. Преодоление привычки к властным формам социального управления сродни освобождению от наркотической зависимости и сопровождается социально-психологической «ломкой». Но как только люди входят во вкус саморегулирования своей жизни, приучаются к состоянию социальной ответственности, возвышающего человека над кумирами и фетишами всех мастей, они уже не сбиваются с дороги в царство свободы.

Еще одно важное проявление рассматриваемой в настоящей главе тенденции заключается в *демонополизации* экономических и политических отношений. Любой монополизм, то есть концентрация в руках одного или нескольких субъектов функций, возможностей, преимуществ, блокирует свободное развитие личности и общества. Да, в экономической конкуренции и политической борьбе есть свои победители и побежденные. Но при этом победа одних не должна лишать других «права на матч-реванш», и по условиям честного соревнования гандикап или иное неправомерное преимущество не допускается.

Демократия формально объявляет борьбу монополизму и законодательно закрепляет начала экономической и партийно-политической конкуренции. Однако, оставаясь государственно-патерналистской политической системой, она не может реально противостоять, образованию альянсов представителей крупного бизнеса (прозванных в современной России «олигархами») и бюрократии. В этом союзе, соединяющим власть и собственность, заключается главный корень монополизма. Но в нем же и «игла», охраняющая его поистине «кащеевскую» живучесть.

Так что решающую роль в демонополизации нельзя связывать с антимонопольной политикой государства. Если оно и проводит таковую, то лишь под давлением гражданского общества и крайне вяло. Однако объективные закономерности развития рыночной экономики, формирование непаразитического, конкурентоспособного бизнеса, стихийное становление

малого предпринимательства, усиление активности политических партий, а также широкое общественное движение в защиту прав потребителей и избирателей - все эти отдельные социально-экономические и политические ручейки, сливаясь, образуют такой поток, под напором которого в конце концов рушатся одна за другой плотины монополизма. Следствием этого является надежное обеспечение равных для всех участников экономического и политического процессов стартовых условий и одинаковых для них правила поведения на соответствующем рынке, не меняющихся произвольно по чиновничьему капризу.

Глава 10. Обобществление государства

Правительство - изобретение человеческого ума,
а потому люди имеют полное право пользоваться
им по своему усмотрению.

Эдмунд Берк [101]

35

Социализация личности и либерализация общества прокладывают себе дорогу не только через разрешение внутренних противоречий, преодолевая сопротивление патерналистского наследства в духовной и материально-практической деятельности. Они встречают изощренное противодействие бюрократии, использующей в этих целях весь потенциал приватизированного ею государства.

Как уже отмечалось, демократия лишь отчасти ограничивает бюрократическое господство над государственной властью и камуфлирует его конституционной вывеской народовластия. На этой стадии развития государственности бюрократия под усиливающимся общественным влиянием уже вынуждена делиться своей собственностью. Правда, она предпочитает заключать соглашение не с теми общественными силами, которые заинтересованы в расширении либеральной зоны, а с крупным бизнесом, стремящимся использовать власть для монополистического хозяйничанья на определенных рынках. Такого рода предприниматели объективно становятся союзниками бюрократического класса и по существу смыкаются с ним. Демократическое государство, едва пробившись на свет из тенет авторитарного режима, почти сразу же попадает во владение альянса бюрократии и финансовой олигархии.

В связи с этим стремящееся к свободе общество должно решить две взаимосвязанные задачи. Во-первых, оградить себя от чрезмерного государственного вмешательства, сократить до минимума сферу отправления государственных функций и тем самым высвободить живительную энергию социального саморегулирования. Во-вторых, обобществить (экспроприировать, национализировать) само государство, изъять его из частной собственности бюрократии и, поставив в правовые рамки, заставить работать на все общество и каждую личность.

Нетрудно заметить, что последнее утверждение является своеобразным парафразом известной марксистской формулы перехода от эксплуататорского строя к коммунистическому. Гиперболизировав борьбу экономических классов и явно недооценив остроту классового противостояния бюрократии и прогрессивных слоев гражданского общества, марксизм связал скачок в царство свободы с обобществлением собственности на средства производства, рассчитывая на использование для этих целей революционного насилия и обновленной государственной машины. При этом ведущие коммунистические

идеологи мечтали об отмирании государства, высказав на сей счет целый ряд интересных соображений. Но на практике социалистические революционные перевороты всегда и везде приводили лишь к резкому усилению государственной власти, эскалации государственного принуждения, бюрократическому закабалению общества и личности. Эта дорога в царство свободы оказалась исторически тупиковой и на целые десятилетия задержала прогрессивное развитие вступивших на нее стран и народов.

Истинный путь в данном направлении действительно пролегает через обобществление, уничтожение частной собственности и свержение классового господства. Но это - обобществление государства, уничтожение бюрократической частной собственности на государственную власть и свержение классового господства бюрократии. Такова политическая составляющая постдемократической метаэволюции, в ходе которой преодолевается не просто отчуждение людей от власти или собственности, но самая главная форма отчуждения - от свободы.

36

Бюрократический класс тем мощнее и сплоченнее, а его контроль над государством тем сильнее, чем больше власть сконцентрирована и централизована, когда различные функции и полномочия соединяются в одном органе или должностном лице и его аппарате. Против такой сверх концентрации направлен демократический принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, сыгравший огромную роль в либерализации политической жизни западной цивилизации. Однако бюрократия научилась выживать и в этих условиях, оккупируя власть исполнительную и осуществляя с этого плацдарма экспансию в законодательную и судебную сферы. Поэтому формально-юридического разделения властей явно недостаточно, его надо добиться на практике, что достигается десятилетиями, а то и столетиями острейшей и полной драматизма борьбы либеральных общественных сил с бюрократической агрессией.

В политологической литературе последнего времени все больше приживается понятие *полиархии* как развитой формы демократии, вырабатывающей систему механизмов против государственного произвола. По мнению одного аз авторов этого термина Роберта Алана Даля, полиархию отличает семь институтов: близкое к универсальному избирательное право; право участвовать в общественных делах; справедливо организованные выборы; надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства; существование альтернативных и часто конкурирующих между собой источников информации, выведенных из-под правительственного контроля; высокая степень свободы создания разнообразных организаций, включая оппозиционные партии; относительно высокая степень зависимости правительства от избирателей и результатов выборов. [102]

Борьба за утверждение принципов и институтов полиархии очень важна для целей либерализации политической системы. Полиархическое устройство свидетельствует о высокой зрелости демократии. Однако оно еще не выводит общество за флажки патерналистской государственности. Полиархия сильно осложняет жизнь бюрократии, но сама по себе не подрывает основ ее господства. Процесс деконцентрации властных функций должен идти дальше и глубже. На макрополитическом уровне его основу образует *разделение государственной власти и собственности.*

В непосредственном значении это означает существенное сокращение объема государственной собственности, фактическое выведение государственных органов из состава хозяйствующих субъектов. Тем самым подрубаются экономические корни бюрократических сорняков, бурный рост которых напрямую связан с прямым контролем над производительными силами.

Вместе с тем разделение власти и собственности имеет и более широкий смысл, состоящий в требовании отделения государственного управления от хозяйственного, запрета органам и должностным лицам исполнительной власти осуществлять распорядительное вмешательство в деятельность частнопредпринимательских структур. Здесь имеется в виду пресечение косвенных форм и методов бюрократического контроля над экономической сферой, а через нее и над всеми общественными процессами. Наличие юридической и фактической зависимости бизнеса от разрешительных, распределительных, регистрационных, проверочных и других чиновничьих полномочий служит главной причиной коррупции, развращения предпринимательского сообщества и прочной основой антисоциального союза бюрократов и финансово-промышленных магнатов. Вот почему в ходе обобществления государства происходят прежде всего сведение к минимуму указанных полномочий и тщательная регламентация их осуществления, предполагающая полную гласность, открытость для общественного контроля административных процедур.

Отделение власти от собственности воплощается и в установлении такого порядка, при котором государственная служба сама по себе перестает легально приносить какие-либо иные материальные блага, кроме официального вознаграждения за соответствующий труд. Должности в обобществленном правовом государстве перестают быть «хлебными», «лакомыми». Подчиняющее себе государственную власть либеральное общество ликвидирует систему «кормлений», прекращает позорную практику бюрократического присвоения льгот и привилегий. Жилищно-бытовые, медицинские, пенсионные и иные социальные условия государственных чиновников и депутатов если и будут отличаться от соответствующего обеспечения других «бюджетников» (врачей, педагогов, работников науки и культуры), то лишь в меньшую сторону. Когда представителей власти заставляют и приучают жить одной жизнью с основной массой общества, в этом наиболее зримо проявляется национализация государства.

37

Великое социально-либеральное значение принципа разделения властей заключается в том, чтобы разбить монолитную цельность государства, разрушить солидарность бюрократии, заставить одну часть государственных институтов контролировать другие вместо того, чтобы всем вместе прессинговать общество и личность. Деконцентрация власти доводит эту идею до логического завершения, нацеливая государственный контроль прежде всего на функционирование государственных органов и должностных лиц. Одновременно происходит переосмысление популярного тезиса о необходимости сильного государства. Сила последнего начинает все больше связываться со способностью к самоукрощению и тем самым обеспечением прав и свобод граждан. Парламент будет считаться сильным, поскольку принимает, вопреки бюрократическому давлению, либеральные законы и держит под контролем правительство. Президент страны силен не тем, что «мочит в сортире» «врагов народа», а способностью повести государственный корабль против бюрократического течения. Сила суда выражается не в суровых приговорах, а в справедливых решениях, принимаемых невзирая ни на какие, даже самые высокопоставленные лица.

Примечательна в этом отношении борьба, которая в настоящее время развернулась вокруг реформы российской прокуратуры. Выражая интересы самой реакционной части бюрократии, руководство данного ведомства насмерть стоит на том, чтобы сохранить за собой необъятные функции общего надзора, особенно за субъектами экономической деятельности. Общественная полезность и эффективность такого надзора, как известно, близки к нулю. Ущерб для нормальной экономической конкуренции и прирост коррупции очевидны. Не говоря уже о функциях уголовного преследования, которые просто провалены прокуратурой. Выход на настоящем этапе видится в том,

чтобы ограничить объекты общего надзора прокуратуры только органами государственной власти и местного самоуправления. Прокурору-надзирателю нечего делать в рыночной экономике (там и без того хватает государственных контролеров) и в структурах гражданского общества. А вот догляд за главными нарушителями законности в лице различных исполнительно-распорядительных и контролирующих органов действительно необходим с позиций защиты прав человека и общественной свободы. Нынешний прокурорский корпус, конечно, не способен справиться с этой задачей. Но сама перенацеленность прокуратуры и строгое следование новому назначению будет содействовать кадровому обновлению и изменению профессионального сознания прокурорских работников, все больше воспринимающих себя не как «око государево», а в качестве общественного контролера за государственной властью.

Чем больше функций сосредоточивается в одном государственном органе или у одного должностного лица, тем более безответственными они становятся, находя оправдание провалу одних направлений продвижением на других. Скажем, руководство той же Генеральной прокуратуры России на упрек общественности в недостаточном количестве и низком качестве поддержания государственного обвинения при рассмотрении в судах уголовных дел ничтоже сумняшеся начинает доказывать успехи своего ведомства числом надзорных протестов и исковых заявлений по гражданским делам.

В качестве обратного примера можно привести достаточно эффективную деятельность комитетов по управлению государственным имуществом образца 1992-1993 годов. Перед ними тогда по существу была поставлена одна задача: провести приватизацию государственных и муниципальных предприятий по установленным программам и правилам. Оставляя в стороне вопрос о своевременности, обоснованности и справедливости этих программ и правил, нельзя не признать, что поставленная задача была решена. Разумеется, не без коррупционного сопровождения (иначе просто не бывает при отправлении государственно-властных полномочий). Но благодаря тому, что спрос с чиновников системы Госкомимущества был тогда исключительно за приватизацию, общество сумело заставить их действовать в соответствии с потребностями своего социально-экономического развития.

Принцип: «один государственный орган (одно должностное лицо) - одна функция» служит идеальным выражением деконцентрации власти. Его далеко не сразу и не везде удается реализовать. Однако чем шире он претворяется в жизнь, тем в большей степени мы приближаемся к формированию правового государства. В крупном федеративном государстве деконцентрация власти достигается также определенным ее распределением между центральными, региональными и местными органами. Острая и запутанная в теории и на практике проблема разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями довольно просто решается с либеральных позиций. Их нужно разраничить так, чтобы провести деконцентрацию власти «по вертикали». Общий подход состоит в следующем: на нижний властный уровень могут передаваться лишь полномочия по расширению прав и свобод граждан и их объединений, отмене в определенных пределах установленных для них соответственно федеральных и региональных запретов, а также по более подробной и жесткой регламентации деятельности органов и должностных лиц данного уровня. При таком порядке более либерально-прогрессивные территории могут смягчить для своих жителей общефедеральный режим. Но мракобесным и властолюбивым правителям других регионов и мест не дано права выходить за рамки федеральных законов.

38

Последовательно проведенная деконцентрация государственной власти размывает классовую природу бюрократии, обостряет противоречия между ее различными группами и отрядами, передовая часть которых все больше смиряется с необходимостью либеральных реформ. Между тем процесс

обобществления государства только этим не ограничивается и находит выражение в прямом принятии на себя представителями общества осуществления сохраняющихся государственных функций.

Ярче всего указанная тенденция проявляется в институте суда присяжных, зародившемся на заре демократической революции и явно опередившем свое время. Не случайно он с таким трудом приживается в посткоммунистической России. Суд присяжных вызывает стойкое неприятие идеологов бюрократии, поскольку ярко и убедительно демонстрирует способность «простых», случайно подобранных граждан, объединенных ответственностью за решение человеческой судьбы, справляться с миссией отправления правосудия намного качественнее, чем профессиональный судейский чиновник. Суд присяжных опасен для бюрократии не только тем, что забирает у нее часть власти. Еще страшнее для бюрократических устоев наглядное воплощение способности общества обходиться без решающего участия «государственных управленцев» в социальном регулировании и обеспечении правопорядка.

Другим значимым элементом общественного присвоения государственно-властных функций служат политические партии. Если не брать в расчет меняющую вывески российскую партию власти - выступающую на политическую поверхность часть бюрократического айсберга, партии, как правило, ориентируются на гражданское общество, его классы и социальные группы. Да и сами они являются частью гражданского общества, одновременно участвуя в борьбе за власть и влияние на нее. Именно поэтому российская бюрократия в 2001 году навязала стране выгодный для себя федеральный закон, который отрывает партии от общества и ставит их под административный и финансовый контроль исполнительной власти, закрепляет «демократический централизм» как организационную основу функционирования любого партийно-политического образования.

Ирония истории заключается в том, что указанный законодательный акт был горячо поддержан подавляющим большинством партийных фракций в Государственной Думе, посчитавших его выгодным для себя. Амбициям и интересам отдельных вождей и функционеров он, возможно, соответствует. Вместе с тем его принятие знаменовало искусственное прерывание процесса формирования реальной многопартийности, естественной среды политической конкуренции, обеспечивающей все большее воздействие гражданского общества на государственную власть. Бюрократия одержала серьезную победу над либеральными силами. Остается лишь надеяться, что объективный ход истории и наша борьба за свободу докажут ее временный и тактический характер.

Нужно помнить и том, что каждой политической партии грозит бюрократическое перерождение, отрыв от своих социальных корней. Сохраняют свое предназначение и развиваются лишь те из них, которые преодолевают сектантскую замкнутость и примитивный политический прагматизм. Мудрая политическая партия обрастает, как моллюск ракушками, правозащитными и социально ориентированными общественными объединениями, постоянно нацелена на заключение союзов и создание политических блоков, стремится к расширению своей социальной и электоральной базы. Такие партии обязательно появятся в нашей стране. Им предстоит сыграть свою роль в деле национализации государства.

39

К сожалению, даже либеральное общество не может принять на себя все государственные функции и полностью отправить на слом государственную машину. Однако оно обеспечивает свой надежный контроль за ее функционированием строго в правовых рамках, не вредящим осуществлению свободной жизнедеятельности людей. Одной из основных форм такого контроля является выборность всех органов и должностных лиц, отправляющих

значимые государственные полномочия.

Предвижу все возможные возражения, исходящие из несовершенства как процедуры выборов, так и самих выборщиков. Действительно *fair play* на избирательном поле у нас пока не получается. И законодательство скверное, и политическая культура электората низка, и административный ресурс весом, и суды задавлены, и избирательные комиссии бюрократизированы. Однако при всем том смею утверждать, что даже безобразно организованные, но прямые выборы с тайным голосованием лучше любой другой процедуры замещения государственных должностей.

Самый слабый и недобросовестный депутат отличается от умного и исполнительного чиновника тем, что он по необходимости вспоминает о тех конкретных людях, которые находятся по другую сторону бюрократических кабинетов. Об их существовании и нуждах напоминает хотя бы депутатская почта. Если же парламентарий собирается на следующие выборы (а таких в каждом составе парламента большинство), то он вынужден поддерживать общение с избирателями и пытаться как-то влиять на решение социально значимых проблем. Конечно, он подвержен сильнейшему бюрократическому влиянию, оказывать твердое сопротивление которому могут лишь немногие. Но даже в этих условиях он не сливается с общей бюрократической массой, продолжая ощущать дышащую в затылок ответственность как минимум перед определенными сегментами гражданского общества [103]. Поэтому, кстати, на приеме у депутата, даже обладающего далеко не лучшими человеческими качествами, вы вряд ли встретитесь с хамством и нескрываемым равнодушием. А это уже немало, поскольку многие наши граждане, доведенные до отчаяния собственной несвободой, нуждаются хотя бы в добром слове как форме психотерапевтической помощи.

И совсем другое дело - чиновник, получивший должность от другого лица или органа. Он ощущает ответственность только перед начальством, общение с гражданами, не представляющими для него личного интереса, рассматривается как обуза, отвлекающая от «государственных дел». Он не думает о следующих выборах, и ему не важен голос конкретных Иванова, Петрова или Сидорова. Следовательно, и проблемы этих людей находятся на периферии его деятельности. Назначенный государственный чиновник при осуществлении возложенных на него функций, по общему правилу, не способен ощутить себя представителем общества и тем более защитником прав и свобод личности. Он отчуждается от естественной социальной среды и становится элементом бюрократической системы.

Особенно важен с этой точки зрения переход к выборам представителей «третьей» власти, призванной даже в демократической и тем более в постдемократической политической системе «обуздывать» авторитарные, антиправовые поползновения законодательных и исполнительно-распорядительных органов. Суд в еще большей степени, чем парламент, может и должен быть использован для обобществления государства. Но для этих целей он сам подлежит национализации, которую, наряду с широким распространением института присяжных, обеспечивают прямые выборы населением профессиональных отправителей правосудия. В нашей стране, например, совершенно естественным было бы избрание мировых судей, а также судей районных судов, на которые падает основная нагрузка по рассмотрению в первой инстанции уголовных, гражданских и административных дел.

Представляется необходимым введение прямых выборов федерального и региональных уполномоченных по правам человека. Сегодня их влияние на государственную власть слабо и малозаметно для общества. Хотя именно «омбудсмены» могли бы стать центрами кристаллизации новых форм взаимодействия общества и государства, содействуя все большему отрыву государственного аппарата от бюрократических корней. Поэтому уполномоченные по правам человека по своему социально-политическому

статусу (но не по полномочиям, разумеется) должны встать на один уровень соответственно с главой государства и первыми руководителями субъектов Федерации. И тогда мы, естественно, не будем застрахованы от бюрократизации данного института, слабости или недобросовестности отдельных профессиональных правозащитников, но все же гарантии эффективности их работы в целом, несомненно, повышаются.

Дебюрократизация государства имеет еще один существенный признак, состоящий в закреплении особых требований к лицам, претендующим на занятие государственных должностей. Речь идет не о формальных условиях отсутствия судимости, заполнения деклараций о доходах или выдерживаемой в номенклатурном духе так называемой «объективке». Имеются в виду содержательные критерии, позволяющие оценить наличие объективных и субъективных предпосылок готовности будущего государственного чиновника защищать права личности и противостоять бюрократическому произволу.

Яркий пример - требования к кандидату на должность судьи. В современной России к ним относится все, что угодно, кроме самого главного: опыта адвокатской или правозащитной деятельности. Такое условие является обязательным для судьи в других, развитых демократических странах. И именно оно в наибольшей степени способствуют формированию подлинно независимой от бюрократии судебной власти. Вкусивший адвокатского хлеба судья совершенно по-другому воспринимает ценность прав человека, для него не пустым звуком являются начала состязательности в уголовном и гражданском процессе. Наши же судьи, на девяносто восемь процентов рекрутируются из системы правоохранительных органов, не имея за плечами никакого другого опыта, кроме полицейского, следственного, прокурорского или того хуже - аппаратно-чиновничьего. Надо ли удивляться продолжающему преобладать в российских судах обвинительно-карательному уклону, твердо усвоенной большинством судейского корпуса «государственнической» психологии, пренебрежением к нуждам и заботам конкретного человека в сочетании с не лишенной корысти покорности перед имущими реальную политическую и экономическую власть.

Наконец, еще одним направлением движения в сторону обобществления государства является общественное сопровождение выполнения государственных функций. Коль скоро по объективным причинам нельзя отказаться от властного вмешательства в определенную сферу и пока не получается осуществлять его негосударственными методами, постдемократическое общество обеспечивает свой жесткий контроль за работой всех сохраняющихся государственных механизмов. В идеале это выглядит таким образом, что ни одно действие чиновников исполнительной власти (не говоря уже о законодательной и судебной), за редчайшими исключениями, вызванными целями охраны частной жизни и национальной безопасности, не протекает в закрытом режиме, а осуществляется в присутствии и под удостоверение «общественных понятых». Соответствующий аналог уже давно применяется при производстве следственных действий в демократическом уголовном процессе. Возражение против распространения подобной практики на другие виды административной деятельности, помимо ссылок на необходимость столь любезной бюрократии «государственной тайны», заключается в том, что не нужно обременять докучливым общественным контролем должностных лиц, выполняющих ответственную государственную миссию. Ответ на него прост: если эта миссия ответственна, она обязательно должна осуществляться при общественном сопровождении, потому что как раз общество и каждый его член вправе спрашивать с государственного чиновника. Если же данная функция не столь значительна, не затрагивает прав и свобод личности, то от государственной формы ее исполнения и вообще не грех отказаться, передав ее в систему социального саморегулирования.

О ПРОБЛЕМАХ ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(вместо послесловия)

Совесть, благородство и достоинство -
вот оно святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.
Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

Булат Окуджава [104]

Исследование нынешнего состояния и перспектив развития российского либерального движения, безусловно, заслуживает отдельной крупной работы. Трудно, тем не менее, удержаться от хотя бы беглого освещения его болевых точек, исходя из предшествующих размышлений. Не претендуя на исчерпывающую методику «лечения» недугов либерализма, предлагаю свои соображения по их диагностике.

В начале XXI века отечественное либеральное движение вместе со всей страной вступило в новый этап своего развития. Собственно говоря, только теперь оно приобретает самостоятельные очертания, поскольку предыдущие десять лет по существу не было отделено от движения демократического. В ходе антитоталитарной революции у либералов нет других задач, кроме утверждения демократических принципов и институтов, борьбы за их сохранение, предупреждение коммунистического или национал-социалистического реванша.

Сегодня победу демократии в России можно считать свершившейся. Мы переживаем период стабилизации демократической власти, на котором выявляются ее объективные противоречия с либеральными ценностями. В этих условиях либеральное движение получает импульс для самостоятельного политического развития. И здесь его сразу поджидают многочисленные опасности, в которые неоднократно попадали наши коллеги и единомышленники как в других демократических странах, так и в давнем российском прошлом.

Борьба за власть, надо сказать, корежит любую идеологию, вынужденную приносить стратегические социальные интересы в жертву условиям и целям политической схватки. Для либерализма это еще более трудное испытание, чем для других идеологических течений, поскольку либеральная идеология зиждется на отрицании самоценности государственной власти. Борьба же за эту власть и ее удержание объективно ведет к авторитаризации либерального сознания, «перемене всей точки зрения» на государство и его роль в общественной жизни. С другой стороны, отказ от такой борьбы ослабляет политические позиции либералов, что опять же приводит к усилению государственно-патерналистских начал.

Либеральное движение постоянно должно проходить между Сциллой и Харибдой. Ему все время грозят, с одной стороны, политический инфантилизм, с другой - бюрократическое перерождение. С одной стороны - социальный авантюризм, оторванность от жизненных реалий, с другой - конъюнктурная плутократия, подмена стратегических целей тактическими средствами. С одной стороны - неверие в собственные силы и возможности, с другой - ничем не оправданные эйфория и самомнение. Причем впадение в одну из крайностей на следующем витке политического развития страны, как правило, бросает либералов в другую.

Взлелеянная либеральными идеями демократия крайне неблагодарна, как любая

государственная система. Она готовит для либерализма различные политические ловушки, в которые лидеры и идеологи либеральных партий попадают с незавидным постоянством. Вот некоторые из них.

Экономический детерминизм: спрямленное понимание действия экономических закономерностей и их определяющего влияния на социальную, политическую, правовую и нравственную стороны жизнедеятельности человечества. Такой подход закономерно рождает тезис о том, что главное - провести либеральные реформы в экономике, а все остальное приложится само собой. При этом игнорируются публичная политика, правовые закономерности, морально-психологическая среда, состояние общественного мнения и другие важнейшие факторы. Практическим следствием экономического детерминизма выступает неоправданное обеднение политической тактики: поскольку либерализация экономики в переходный период зависит от исполнительной власти, то к влиянию на нее и сводится в решающей степени политическая борьба либералов.

Экономический детерминизм, возобладавший в либеральном движении, способен отбросить его на обочину политической жизни, лишить парламентского представительства и, что самое страшное, исказить саму природу либерального мировоззрения. Не могу не согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что принцип свободы лжив в одностороннем экономическом либерализме, извращающим систему ценностей, отдавая приоритет низшим - материальным перед высшими - духовными [105]. Не случайно, поэтому в крайнем виде экономический детерминизм оборачивается правовым нигилизмом и моральным релятивизмом.

Экономический «крен» возникает в либеральном движении не случайно. Он имеет свои корни. Гносеологические - в вульгарном материализме и примитивном социологизме, естественным для жителей страны, которая «утилизировала» марксистское понимание истории. Социально-психологические - в характерном стремлении упростить путь к желаемой цели, подкрепляемом видимым начальным успехом либеральных экономических реформ на первом этапе демократической революции. Есть и существенная политическая предпосылка: сопротивление бюрократии экономическим преобразованиям всегда меньше, чем политическим, поскольку первые могут принести для отдельных бюрократических групп материальные плоды. Экономическую свободу (до определенного предела(у бюрократии еще можно купить. Свободу же политическую и правовую, связанную с утратой бюрократией собственности на государство и контроля над обществом и личностью, можно лишь отвоевать.

Наивный либеральный этатизм - преувеличенное представление о возможности и способности демократического государства к проведению либеральных реформ, гарантированию прав свобод личности. Либералы всех времен и народов, увы, не свободны, от рокового заблуждения о том, что в словосочетании «плохая власть» порок заключен в прилагательном, а не в существительном. Стремясь во власть, либеральные политики убеждены в том, что в их руках она будет послушным орудием, сеющим лишь «разумное, доброе и вечное». Однако, овладевая государственными рычагами, они подчас и не замечают, что на деле как раз государство овладело ими. Иногда - в самом унизительном значении этого слова.

Либералы приходят к власти главным образом в периоды ее резкого ослабления. Чаще всего это бывает накануне или сразу после революционных потрясений. В таких условиях возникает первое, вполне понятное желание - укрепить эту власть и в первую очередь ее исполнительно-распорядительную ветвь, без чего якобы невозможно проводить либеральные преобразования. Это считается чуть ли не аксиоматичным, несмотря на явные противоречия подобного мнения либеральной логике и историческим фактам. Скажем, начальные реформы правительства Е.Т. Гайдара в 1992 году проводились при очень ослабленном

государстве и именно поэтому имели успех. Когда же государственность начала укрепляться, она просто перемолола реформаторское правительство. Усиливаясь, исполнительная власть начинает вновь активно продуцировать и распространять бюрократический вирус, который в конце концов уничтожает если не самих либералов, то либеральную направленность проводимого ими политического курса.

Антиисторизм. Противники либерализма называют это антисоциальностью и квалифицируют как неотъемлемое его свойство. В действительности же имеются в виду искажения и отклонения от последовательной либеральной идеологии, имеющей глубокие социальные основания. Антиисторизм выражается в абстрактном проповедовании либеральных идей вне конкретно-исторического контекста: уровня экономического и культурного развития, особенностей политической системы, состояния гражданского общества, господствующих в нем умонастроений, характера и остроты социально-классовых, национальных, религиозных, корпоративных противоречий.

Речь, разумеется, не идет о том, что либеральный идеолог должен лавировать и подстраиваться под все перечисленные факторы - это другая крайность. Но если хочешь преуспеть в идейной и политической борьбе, то не можешь их не учитывать той конкретной социальной среды, в которой живешь и действуешь. Вспомним слова одного из классиков либерализма: «Либерал относится к обществу как садовник, которому надо знать как можно больше о жизни растения, за которым он ухаживает» [106]. Историко-социологический подход отнюдь не универсален. Однако его полное игнорирование догматизирует либеральную идеологию, превращает ее в «социально-политическую латынь», которую считают «мертвым» идеологическим языком, не способным заинтересовать и воодушевить людей. Либеральное движение должно свято блюсти верность ценностям свободы и права, неуклонно сохранять стратегическую линию на либерализацию общества и обобществление государства. Но для того, чтобы быть эффективным, оно обязано тщательно соотносить с конкретно-историческими реалиями тактические средства, формы и приемы идейно-политической борьбы.

Отдельным и специфичным для нашей страны проявлением антиисторизма служит *некритическое западничество*. Болезнь эта давняя, отмечавшаяся еще П.Я. Чаадаевым, который писал: «Русский либерал - бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это - солнце Запада» [107]. Ориентирование на ценности и стандарты западной цивилизации понятны и оправданы, если иметь в виду базовые либеральные принципы. Нужно лишь все время помнить, что эти принципы далеки от полного воплощения в жизнь в условиях западной демократии, несвободной от бюрократического контроля. Зачастую нам под видом передовых социальных и законодательных конструкций предлагают тиражировать образцы жесткого государственного дирижизма в экономике или патерналистские модели государственного строительства, присущие некоторым демократическим странам. И при том, что у нас даже самый либеральный закон в ходе практики его применения непременно подвергается бюрократическому выхолащиванию. Известно, что Россия - страна с давними и стойкими бюрократическими традициями. Для либерального движения отсюда должен следовать лишь один вывод: наш правопорядок должен быть в десятки раз либеральнее, чем в любой другой демократической стране. Что же касается государственно-патерналистских продуктов и технологий, то их совершенно ни к чему импортировать. Этого добра с лихвой хватает на российской земле.

Политическая конъюнктурщина. Политикам либерального толка всегда неуютно. За нахождение у власти приходится расплачиваться либо отказом от убеждений, либо принятием на совесть либерализма гнусностей нелиберальной политической системы, основанной на государственном патернализме. В оппозиции тоже дискомфортно. Радикальная, непримиримая оппозиция чревата насильственным революционаризмом, тогда как либеральная идеология - принципиально против насилия. Другой же оппозиции российское

общественное мнение, для которого следующей степенью оппозиционности после «фиги в кармане» является «бунт бессмысленный и беспощадный», не признает. Поэтому либеральными политиками столь любима тема «конструктивной оппозиции», «диалога с властью», «условной поддержки Президента и правительства». Неизбывно их желание усидеть на двух стульях: в глазах либерально настроенного электората хочется выглядеть оппозицией, а для власти - выступать полноправным партнером.

Определяя свое политическое позиционирование, либеральная партия всегда рискует впасть в одну из двух крайностей. Либо беспринципное соглашательство с бюрократией, предательство идеалов свободы за ту или иную разновидность «чечевичной похлебки». Либо оголтелая оппозиционность, отвергающая любые тактические соглашения с властью, предпочитающая внешне красивую политическую позу реальному движению в сторону либерализации общественной жизни.

В условиях устоявшейся демократии, когда минует угроза реставрации тоталитаризма, главным противником либерального движения объективно становится «партия власти», выражающая интересы бюрократии. Как уже отмечалось, она, к счастью, неоднородна и постоянно находится в состоянии внутривидовой борьбы за куски «государственного пирога». Для какой-то части бюрократического класса либеральные реформы могут служить инструментом ослабления властных позиций другой бюрократической группировки. Так возникает временное, тактическое совпадение интересов этой «прогрессивно» настроенной бюрократии и либерального движения. Не пользоваться этим - значит проявлять политическую близорукость или быть провокатором. Но надо понимать, что союз с «просвещенной бюрократией» возможен ровно до того момента, как она достигнет своей цели, устранит внутриклассовых конкурентов и займет доминирующее положение в системе государственной власти. Тогда ее либеральный порыв мгновенно иссякает, и в лице новой бюрократической верхушки, еще вчера клявшейся в верности либеральным ценностям, последние получают ревностных душителей.

Самое губительное на этом этапе - не отмежеваться от власти, дать возможность бюрократии проводить по сути антилиберальную политику под вывеской и прикрытием либерального курса. Иначе бюрократия «убивает двух зайцев». Во-первых, популярные для определенной части общества либеральные идеи и их носители используются в качестве ширмы совершенно чудовищных политических суррогатов. Во-вторых, в экономических и социальных провалах бюрократической политики обвиняются либерализм и либералы. Общая рекомендация, буквально выстраданная автором этих строк, может сводиться к следующему: ни шагу назад от достигнутого уровня свободы. Можно идти на любой компромисс с бюрократией в отношении сроков, темпов, форм и методов либеральных преобразований, ориентированных на будущее. Но ни в коем случае нельзя соглашаться с властью и прощать ей какое бы то ни было попятное движение, принесение прав человека и других либеральных ценностей в жертву любой иной цели.

Демократический централизм. Многих «деловых людей» и некоторых политических лидеров раздражает кажущаяся рыхлость и аморфность либерального движения. Его хочется структурировать и централизовать по образу и подобию незабвенной КПСС, политические победы которой связывают с ее организационным строением. При этом так же пытаются решить задачу объединения всех политических сил «справа от центра».

Первый подобный опыт в новейшей истории нашей страны был связан с созданием партии «Демократический выбор России» на основе почти одноименного избирательного блока, который успешно (теперь-то это очевидно) выступил на парламентских выборах 1993 года. Я горжусь своей причастностью к образованию и деятельности этой партии, знакомством и дружбой с ее лидерами и активистами. Вместе с тем надо признать, что

учреждение ДВР не способствовало консолидации либерального движения. Напротив, катализировало центробежные процессы. В результате - полная раздробленность и поражение на выборах в Государственную Думу в 1995 году.

Казалось бы, одних «политических граблей» достаточно. Однако история повторяется и, боюсь, что на этот раз уже в том виде, что следует за трагедией. С огромным трудом нам удалось объединить различные партии и движения либеральной направленности в избирательный блок «Союз правых сил», который смог прорваться в парламент. И вместо того, чтобы беречь и развивать коалиционные, договорные начала, руководство СПС взяло курс на создание единой партии, что и было сделано в мае 2001 года. Справедливости ради должен принять и на себя значительную долю ответственности за эту серьезную политическую ошибку.

Сейчас трудно предугадать, каким будет финал новой партии. Но нельзя не видеть, что фактические последствия резко разошлись с поставленными целями. В рамках единой организационной структуры предполагалось сплотить всех участников движения, а на деле получилось разобщение: буквально сразу же после образования партии СПС начался активный процесс альтернативного партийного строительства на правом фланге. Хотели сложить и умножить потенциал всех объединений, входивших в блок, а на деле внесли раскол, обострили и одновременно загнали внутрь все противоречия между ними. Там, где раньше договаривались, с уважением относились к чужим интересам и взглядам, сейчас включают «машину голосования» и проводят политические «зачистки». Еще полгода назад «Союз правых сил» воспринимался в обществе как коалиция, коллектив единомышленников, в настоящее же время он все больше скатывается к облику «вождистской» партии.

Меньше всего хочу кого-то обвинить. Есть объективная логика внутрипартийной борьбы, которой вынуждены следовать все люди, вовлеченные в партийное строительство. Беда не в личностных особенностях конкретных лидеров или отдельных организационных недостатках. Порок в самом фундаменте всей конструкции. На основании горького опыта берусь, перефразируя известное высказывание, утверждать: всеобъемлющая либеральная партия либо невозможна, либо реакционна. Оговорюсь, что речь идет о партии, построенной на началах демократического централизма. Но альтернативы этому организационному принципу действующее российское законодательство не допускает.

Попытки создания такой партии совершенно неумолимо ведут к бюрократизации внутрипартийной жизни, подавлению меньшинства большинством, эскалации борьбы за это большинство. От подлинно либеральных, договорных, коалиционных основ мы приходим к худшим демократическим, а если уж совсем не повезет, то и авторитарным формам регулирования отношений в либеральном сообществе. Но в том-то и дело, что объединить либералов на нелиберальных принципах невозможно. Итог - исход значительной части людей из подобного рода партии, которая, чтобы удержаться на плаву, начинает резко отклоняться от либерального курса.

Каждый сознательный участник либерального движения - это самостоятельная партия. Настолько велико самоуважение и чувство собственного достоинства человека, ценящего свободу выше всего остального. Пытаться командовать такими людьми, «построить» их, добиться от них беспрекословного следования не то что приказам, но и принятым большинством решениям, бесполезно или безнравственно. Если же у политика нет стойкого неприятия авторитарного патернализма, то его стоит считать потерянным для либерального движения.

Нет никакой трагедии в наличии на правом фланге множества мелких партий. Их можно и нужно объединить. Но не «силовым» путем. Единственная жизнеспособная форма существования массового либерального движения - коалиция, блок. Либералам трудно договариваться, но по-другому объединяться у них вовсе не получается. Субординация, централизм, жесткая дисциплина

относятся к атрибутам партий, исповедующих государственный патернализм в том или ином виде. Либеральное же движение цементируют только координация, равноправное сотрудничество, договорное согласование принципиальных решений.

И это отнюдь не слабость. Чувствуя себя свободным, ответственным уважаемым членом либерального сообщества, человек способен продемонстрировать чудеса политической изобретательности, творческой активности и сознательной дисциплины. Это неубиенные козыри, которыми не обладают наши политические оппоненты. Надо лишь научиться и захотеть их использовать. Уверен, что российское либеральное движение в конечном счете окажется на высоте этой сложнейшей, но абсолютно необходимой задач. Хочется верить, что ее значимость осознает если не амбициозное руководство, то коллективный разум СПС.

В заключение, еще об одной острейшей проблеме, периодически загоняющей в тупик либеральное движение. Речь идет о приобретении массовой электоральной поддержки. Принято не без оснований считать, что большинство российских избирателей, мягко говоря, без особого энтузиазма относится к либеральным идеям. Врать же в ходе избирательной кампании либералам нельзя. И не только в силу принципиальных, нравственных соображений, которых, с моей точки зрения, вполне достаточно. Нельзя еще и по прагматическим мотивам: не факт, что приобретешь, но точно потеряешь - исконно своего, хоть и немногочисленного, но надежного избирателя. Так что в естественной погоне за большинством не следует жертвовать важной и ответственной миссией - формирования и консолидации либерального меньшинства.

В то же время недопустимо отказываться и от попыток соединения «либерального» с «популярным». В массовом масштабе это теоретически возможно за счет одного из двух подходов. Для нашей страны всегда было характерно, по точному утверждению Н.А. Бердяева, столкновение Руси, ищущей социальной правды, с империей, ищущей силы [108]. До сих пор наиболее привлекательными, отвечающими сокровенным чаяниям российского народа и в связи с этим самыми электорально эффективными остаются две идеи: 1) социальная справедливость; 2) национально-государственный патриотизм. Думаю, что они имеют такое значение не только для России. Поэтому либеральные партии во всех странах пытаются приспособить их для своих политических нужд.

Идея социальной справедливости, к сожалению, оказалась скомпрометированной коммунистическим экспериментом, нещадно ее эксплуатировавшим и напрочь извратившим. Может быть, поэтому в последнее время участились попытки сгибридизировать либерализм с национал-государственничеством. Особенно заметно это проявляется у аналитических обозревателей первого телевизионного канала, которые не просто апологетируют державные ценности вкупе с рыночными реформами, но и всячески приписывают эту линию действующей президентской власти.

Между тем, несмотря на временную популярность, национально-государственная идея губительна для российского либерализма и ведет лишь в авторитарный тупик. Интересы национального и либерального движений могут совпадать только в определенных исторических условиях, когда они объединяются в борьбе за независимость своей страны против внешнего, иностранного угнетателя. У нас такое совпадение имело место в период всех освободительных войн. На примере Великой Отечественной войны это наиболее, на мой взгляд, убедительно показано в замечательном романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Если же национализм направлен на создание или возрождение «великой державы», империи, силой покоряющей другие народы, то он вступает в непримиримое противоречие с либеральной идеологией.

Современный российский национально-государственный патриотизм выступает проявлением имперского сознания и нацелен на усиление государственно-властных начал. Эксплуатация этой темы российскими либералами крайне опасна для судеб свободы. Не нужно питать иллюзий: российская «пиночетовщина» будет отнюдь не бархатным режимом, ведущим к формированию цивилизованного рынка, а самым махровым тоталитаризмом, где милитаристским и полицейским духом будет пропитана вся общественная атмосфера, так что забыть придется не только про политические, но и экономические свободы.

А вот соединение либеральных ценностей с идеей социальной справедливости вполне возможно. Более того - исторически необходимо. Либералы не должны отдавать эту идею на откуп социалистам и тем более империалистам. Надо лишь очистить ее от примитивно-коллективистских и вульгарно-эгалитарных наслоений. В действительности стихийное представление подавляющего большинства людей об идеально устроенном обществе образуется из комбинации (своеобразно, подчас весьма причудливо преломляемой в индивидуальном и групповом сознании) справедливости и свободы. Важнейшая политическая задача либерального движения - в каждый конкретный момент найти то оптимальное по содержанию и пропагандистским формам и притом реалистичное по достижимости в ближайшей перспективе сочетание либеральных и социальных ценностей, соответствующих целей и задач, которое получит максимальный отклик у массового избирателя. Убежден, что победоносная идеология нашего движения не может быть ничем иным, кроме постоянно самокритичного и ответственного социального либерализма.

Вряд ли нужно объяснять, что это мировоззрение ничего общего не имеет с социальным этатизмом, связывающим исключительно с государством и его политикой все надежды на реализацию социальной справедливости. Социальный либерализм последовательно добивается того, чтобы каждому человеку принадлежало все общество со всем его материальным и культурным богатством, а само общество безраздельно владело и распоряжалось государством.

Болезни нашего либерального движения серьезны, но излечимы. Самое главное - не поддаться искусу власти, не дать увлечь себя сладким голосам «патерналистских сирен». Помнить, что либералам всегда грозит быть «побежденными своею победой». И понимать, что для нас каждый реальный шаг в направлении либерализации общественной жизни, освобождения от бюрократического гнета несоизмеримо важнее громкого политического успеха конкретной либеральной партии и ее лидеров. Маячащий фантом гавани власти маскирует рифы и отмели. Надеюсь, у нас хватит мудрости, мужества и терпения, чтобы твердо держать курс нашего либерального корабля в открытое море Свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пушкин А.С. Золотой том. Собрание сочинений. - М., 1993. С. 364.

[2] Бродский И. Часть речи. Избранные стихи. - М., 1990. С. 159.

[3] Каменев Л.Б. Из истории русского либерализма. // Зарницы. 1907. № 1. С. 40.

[4] Новгородцев П.А. Нравственный идеализм в философии права. // Проблемы идеализма. - М., 1902. С. 257.

[5] Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате. Стихи разных лет. - М., 1996. С. 167.

[6] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. - Спб, 1907. С. 54.

[7] Рассел Б. Практика и теория большевизма. - М., 1998. С. 100.

[8] Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. - М., 1978. С. 373.

[9] Брюсов В.Я. Стихи. - Пермь, 1983. С. 424.

[10] Вебер М. Избранные сочинения. - М., 1990. С. 645.

[11] Шекспир В. Комедии. Хроники. Трагедии. Сонеты. Том 2. - М., 1996. С. 591.

[12] Среди многочисленных определений понятия права наиболее точное и образное, на мой взгляд, принадлежит Иммануилу Канту: «… Право - это совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (Кант И. Метафизика нравов в двух частях. / Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. III. - М., 1999. С. 309).

[13] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 19.

[14] Иеринг Р. Борьба за право. - ., 1991. С. 4.

[15] Чаадаев П.Я. Сочинения. - М., 1989. С. 201.

[16] Конфуций. Лунь Юй. // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. I. - М., 1999. С. 487.

[17] Де Руджеро Г. Что такое либерализм. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. - М., 2000. С. 224.

[18] Бердяев Н.А. О назначении человека. - М., 1998. С. 174.

[19] См.: Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. - М., 1997. С. 471; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. // Там же. С. 517.

[20] Вебер М. Избранные сочинения. С. 644.

[21] Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 172.

[22] Там же.

[23] См.: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. - М., 1995. С. 10 - 42.

[24] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 272. По мнению М. Джиласа, бюрократия сформировалась как класс только в эпоху тоталитаризма сталинского образца (см.: Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. С. 576). Представляется, что в любой социальной системе, где государство довлеет над обществом, бюрократия имеет все законченные черты политического класса.

[25] См.: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. С. 109.

[26] См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 172.

[27] Ларошфуко Ф. Максимы и моральные размышления. - Минск, 1999. С. 301.

[28] Суета сует: Пятьсот лет английского афоризма. - М., 1996. С. 286.

[29] Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4-х книгах. Книга четвертая. - М., 1997. С. 97.

[30] Многие историки ведут отсчет существования демократии с античных времен. Мне ближе точка зрения, согласно которой обязательным признаком демократического режима является юридическое равенство всех членов общества. В связи с этим полностью разделяю мнение французского социолога Алэна Турэна о том, что «нет смысла говорить о демократии там, где бытует рабство» (См.: Турэн А. Что означает демократия. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. С. 732.

[31] Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. С. 100.

[32] Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 173.

[33] Ларошфуко Ф. Максимы и размышления. С. 35.

[34] Губерман И. Иерусалимские гарики. - М., 1994. С. 19.

[35] См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. - М., 1992. С. 292 - 293; Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. - М., 2001. С. 200 - 201.

[36] Шопенгауэр А. Идеи этики. - М., 1992. С. 140.

[37] См.: Hobhouse L.T. Liberalism. - London, 1934. P. 85 - 86.

[38] Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 185.

[39] Мизес Л. Либерализм в классической традиции. - М., 1995. С. 42.

[40] См.: Суета сует: Пятьсот лет английского афоризма. С. 94.

[41] См.: Фаге Э. Либерализм. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. - М., 2001. С. 39 - 40.

[42] См.: Михайловский Н.К. Заметка о патриотизме. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. IV. - М., 1997. С. 209.

[43] Волкогонова О.Д. Метафизика либерализма. // Демократический выбор. 2001. № 31. С. 4.

[44] См.: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. С. 103 - 140.

[45] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 271.

[46] См.: Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация - путь для России и всего человечества. // Демократический выбор. 2001. № 31. С. 1 - 2.

[47] Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 200.

[48] См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 267 - 268.

[49] См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. С. 22 - 30.

[50] См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 270.

[51] Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 184.

[52] См.: Стардубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. С. 47.

[53] Мизес Л. Либерализм в классической традиции. С. 45.

[54] См.: Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. III. - М., 1999. С. 195.

[55] См.: Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация - путь для России и всего человечества. С. 2.

[56] Пушкин А.С. Золотой том. Собрание сочинений. С. 467.

[57] Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. - М., 1989. С. 281.

[58] Хайек Ф.А. Дорога к рабству. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. - М., 1997. С. 427.

[59] Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. V. - М., 1999. С. 364.

[60] Токвиль А. Демократия в Америке. - М., 1992. С. 481 - 485.

[61] Там же. С. 483.

[62] Фаге Э. Либерализм. С. 34.

[63] Моска Г. Правящий класс. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. - М., 1997. С. 121.

[64] Камю А. Творчество и свобода. - М., 1990. С. 242.

[65] Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. - СПб, 1882. С. 148.

[66] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М., 1990. С. 228.

[67] Губерман И. Иерусалимские гарики. С. 142.

[68] Геллнер Э. Условия свободы. - М., 1995. С. 148.

[69] Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 165.

[70] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. - М., 1997. С. 274.

[71] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. С. 89 - 91.

[72] См.: Крозье М. Современное государство - скромное государство. Другая стратегия изменения. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. - М., 1997. С. 705.

[73] Так, в либеральном обществе никому в голову не придет возлагать на правоохранительные органы абстрактную задачу борьбы с преступностью, как это сплошь и рядом происходит сейчас. С них будут спрашивать только за конкретные правовые функции: раскрытие и расследование преступлений, поддержание обвинения, обеспечение недопустимости уголовного преследования невиновных людей.

[74] Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 86.

[75] Конфуций. Лунь Юй. С. 489.

[76] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. С. 99.

[77] К слову, в более либеральной англо-саксонской правовой системе суд может при рассмотрении конкретного дела корректировать нормативные акты и фактически отдавать договору приоритет перед законом.

[78] Лавров П.Л. Исторические письма. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 4. С. 89.

[79] Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Избранное. - М., 1989. С. 102.

[80] Борхес Х.Л. Письмена Бога. - М., 1992. С. 110.

[81] Бродский И. Часть речи. Избранные стихи. С. 145.

[82] Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4-х книгах. Книга третья. - М., 1997. С. 296.

[83] Бердяев Н.А. Русская идея. // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 100.

[84] Муссолини Б. Доктрина фашизма. // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. С. 237.

[85] Де Руджеро Г. Что такое либерализм. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). - М., 2000. С. 225.

[86] Губерман И. Иерусалимские гарики. С. 18.

[87] См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 62.

[88] Ларошфуко Ф. Максимы и размышления. С. 299.

[89] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. С. 271.

[90] Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т III. С. 303.

[91] Камю А. Творчество и свобода. С. 121.

[92] Мизес Л. Либерализм в классической традиции. С. 26.

[93] Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 190.

[94] Вебер М. Избранные сочинения. С. 90.

[95] См.: Фенько А. Имя им - бобуин. // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 2001. № 20. С. 52 - 55.

[96] Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 99.

[97] См.: Хайек Ф.А. Дорога к рабству. С. 420.

[98] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

[99] Дьюи Д. Либерализм и социальное действие. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. С. 382.

[100] Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате. Стихи разных лет. С. 460.

[101] Суета сует: Пятьсот лет английского афоризма. С. 113.

[102] Даль Р.А. Полиархия, плюрализм и пространство. // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37 - 48.

[103] Известный в прошлом русский философ и государствовед Б.Н. Чичерин так обосновывал преимущества представительных учреждений: «Чтобы действовать на этом поприще, нужно выйти из бюрократической колеи. Здесь надобно иметь дело с живыми общественными силами, обхватывать вопросы с разных точек зрения, напрягать все свои способности в постоянной борьбе… Приобретенные здесь опытность и знания дела, ширина взглядов, умение ладить с людьми составляют лучшие свойства государственного человека» (Чичерин Б.Н. Вопросы политики. - М., 1904, С. 77).

[104] Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате. Стихи разных лет. С. 469.

[105] См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 187, 192.

[106] Хайек Ф.А. Дорога к рабству. С. 421.

[107] Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 172.

[108] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990. С. 16.